

Сергей Грозовский

**НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА
В СЕЗОН ДОЖДЕЙ**

Старт

Рязань – 2013

ББК 84 (2 Рос=Рус)
Г 75

Грозовский Сергей. Настоящая женщина в сезон дождей: Повесть. – Рязань: Издательство «Старт», 2013. – 72 с.

В качестве аннотации к книге Сергея Грозовского «Настоящая женщина в сезон дождей» (хотя – где она, эта женщина, и где он, сезон дождей?) хочется привести отрывочек из предисловия Людмилы Глушковской: «Идентифицировать персонажи пока не удалось. Но согласитесь: до чего абсурдно актуальные ситуации. И абсолютно современные. Узнаваемые до наоборот...».

ISBN 978-5-902405-85-6

© Грозовский Сергей, 2013
© Издательство «Старт», 2013

БЕЗУСЛОВНО, УЖЕ НЕ ДЗЕРЖИНСКИЙ

Судя по названным «собратьям» (серьёзные критики, отнеситесь к этому спокойно!) – у Сергея Грозовского (из поколения «молодых») много любимых литературных имён. В его икс-жанровых миниатюрах (эссе, новеллах, «микрочипсах»). Жизнеутверждающие чёрные юмористы (подобно киношным комедийно-убойным «собачьим» сюжетам) на дорогах не валяются. Столкнулись с ним в московском метро, где Сергей Грозовский вручил нам свой «Паспорт самозванца». И мы его тут же напечатали в Эстонии, в Таллинне, в журнале «Вышгород», 5, 2002. Тем самым невольно обозначив «авторитеты» начала XXI века.

Лирического самозванца (находка для серьёзного критика) оставил – тоже в метро – милиционер. «Он проверил мои документы. Я – его. Таким образом мы познакомились. Это был лейтенант внутренних войск. Звали его Михаил Юрьевич Лермонтов. /.../ Мы ступили на эскалатор, поднялись наверх, к памятнику Неизвестному Поэту /.../ на вечном огне поджаривались души людей, запятнавших себя грехом сочинительства»... Ну, этого во все времена сколько угодно. Цитирует: «Отворите мне темницу...» Как говорится: «Щас!» Просьба тонет в столетних колодцах мёртвой воды. Ad fontes! Ступайте к источнику!

Всякий раз находится свой «местный Ку-Клукс-Клан» и свой «Чёрный человек». – «Я тоже чёрный. /.../ Я являюсь поэтам на последней стадии их жизнеутверждающего умопомешательства и вгоняю в гроб этих голубей мира. Даниил Андреев, Иван Сергеевич, Жан-Жак Руссо – это всё мои жертвы». Вот и пойми. Всё смешалось «в кукольном домике, куда женщины приносили ему (мистеру Х. – Л.Г.) сибирский кофе. А он помогал им устроиться в странах свободного мира».

Неожиданно для себя самой как-то укладываю грозовские смыслы-бессмыслицы в его «словосочетание „Новый Порядок“». Хотя носитель текста Сергея Грозовского заявил, что ему «нравилось только первое слово», то есть – «новый». Действительно, какой же тут порядок? Нелепость. Абсурд.

Беспредел. Хочу дать пространно одну виртуально-визуальную авторскую картинку.

«Когда я родился, передо мною встал нравственный выбор: кем быть...» Безусловно, уже не Дзержинским, а «покойником, как лучшие люди страны, или же ангелом. /.../ Быть ангелом считалось как-то неприлично, ненормально, что ли. Покойников, наоборот, все уважали. Например, великий писатель Лев Толстой с гордостью говорил: «Я – живой труп». Шокированные дамы... утешали: «Что вы, дорогой граф, вы для нас живее всех живых». /.../ Церковники запретили отвеать его. Всё население разделилось на две партии: одна считала его ангелом, а вторая

обычным покойником, зеркалом русской революции. /.../ На всемирной выставке 1917 года в Петрограде бросили на стол его кости и череп и победили. Но... череп оказался фальшивым, а сумма очков на костях равнялась минус двумстам семидесяти трём - абсолютному нулю».

И кто, по мнению автора, кроме талантливого русского учёного-философа Фёдорова, способен «вернуть планете исчезнувшие поколения»? Самый эффективный вид обратной транспортировки, который «вполне по силам современной науке, – асфальтовые катки. /.../ Будущие пассажиры просто укладываются на предполагаемом пути его следования. /.../ Но (внимание, читатель! – Л.Г.) хорошие дороги в настоящее время большая редкость. Надо долго плыть на пароходе, потом ехать на подводе, потом верхом, потом пешком, чтобы получить возможность вернуться и жить в своем народе»...

...Что ж, саксофонист джаз-бэнда Пабло – это и есть воскресший Моцарт? – спрашивает вместе со своим старшим «собратом» Германом Гессе проникшийся этой любопытной темой младо-нео-сюрреалист Сергей Грозовский. В двухстраничном эссе «Магистр «степных волков»» (журнал «Вышгород», 1 – 2, 2003, «немецкий» номер) он констатирует: «писатель совершает магическое путешествие в мир виртуальной реальности». Новая терминология – виртуальная реальность – похоже, устраивает и нового интерпретатора. Впрочем, проблема узнаваемости привлекала и даже волновала многих. Антропологический повтор? Совпадения на уровне генной памяти? Своеобразный диалог культур прошлого и настоящего? У эстонского эмигранта-классика Карла Ристикиви в его лучшем странном романе (то ли путешествие в Италию, то ли сновидение) «Римский дневник» (1976) Каспар фон Шмерцбург, посетив Капитолийский музей, узрел в одном из древних бюстов управляющего своего поместья, изгнанного за жульничество. Надпись гласила, что это Каракалла, римский император III века.

В Гданьске, в Российском центре культуры и науки, 1 августа 2008 открывалась выставка русской художницы Натальи Баженовой – графика, живописца. Мы все останавливались перед зовущим к себе портретом, не решаясь сказать: кто на нём. Профессор Гданьского университета в какие-то доли секунды увидел своего бывшего преподавателя. Но тут же воскликнул: «Шопен!» Шопен в Лазенках... Гоголь на московских бульварах...

Сие отступление продиктовано загадочной, не всплывшей заранее логикой, пока в «Самозванце» не наткнулась на наши пресловутые, всех русских писателей удручавшие дороги. Не проехать не пройти – разве что из виртуального бытия... Новая, совсем недавно попавшая мне в руки фантазмагория Сергея Грозовского, помеченная как дневниковые записи, тоже начинается с несусветного дорожного происшествия.

18.07.04. «Антиболт Ухаб (какая-то на сей раз потусторонняя неопознанная личность. – Л.Г.) сравнил фигуру кучера с предварительным эскизом, поскольку проказник-возничий нёсся со средней скоростью ледяного байкальского ветра». Птица-тройка? Ан нет, здесь «шестёрка гнедых унесла беднягу далеко за сорокаградусный (! - Л.Г.) поворот дороги, вследствие чего он навсегда покинул пределы личной досягаемости».

Кстати, в этот стиль прекрасно вписываются «пролётка» и «погоняла», «ямщик» и «автопилот», а также напрямую использованное «взялся за гуж».

В малых головоломках присутствуют бандит Борматрёш Отшиб и вор «коллекционных картин приукрашенной действительности» Безбалон Аук, ещё – Черноок Стражблок и Кровожад Полкан, решившие «поиграть в динамитные шашки, выбрав в качестве мишени одинокий силуэт постороннего наблюдателя», ещё – Сновагол Доброк, хранивший в подвале «мощи своей жены», и Архиписк Брентел, нравственность которого «перерабатывала аморальные мечты в полноценные этические нормы» и который, видимо, поэтому вместе со своим верным псом преследовал Борматрёша за то, что тот «похитил у станционного смотрителя (он же “Черноок Стражблок”. – Л.Г.) его любимую шестистволку»...

Идентифицировать персонажи пока не удалось. Но согласитесь: до чего абсурдно актуальные ситуации. И абсолютно современные. Узнаваемые до наоборот. Хотя профессиональные критики, конечно, выступят с более убедительных позиций.

Людмила ГЛУШКОВСКАЯ,
главный редактор журнала «Вышгород», Таллинн
(Опубликовано в журнале «Вышгород», № 5 за 2009 г.)

Посвящается памяти моей матери Эры Грачевой (1931 – 2012)

Черноок Стражблок потерял упрямый завиток ремесленной дубинки, когда вкалывал после работы школьную незабудку в заводской сюртук. Мелко нарезанная незабудка окрасила просторную польню спецодежды в багровые тона. Притихший Черноок положил красивую сосну вертикальным краем поперёк столбовой дороги, отрезав себе все маловероятные шансы к отступлению. Стражблок считался отчаянным землепроходцем и эдаким проказником, потому что частенько путал на карте леса и поля. Уткнувшись толоконным лбом в ползучий камнепад горнолыжной скалы, он покидал дремучие тропы сопливых сопок как талантливый человек, с обременительным чувством собственного достоинства. Краска злобы покрывала его сведённые в судороге уши мозолистыми пузырьками.

Опылённый ветром Архиписк Брентел покинул высокоточечное такси и оказался на баскетбольном лоне природы. Указательная борозда колхозной сохи в очень короткий промежуток времени свернула с полуразрушенного ударом грома холма в сторону продуктового амбара. Повеселевший Брентел болтливо запел, насвистывая музыкальные паузы из талантливого произведения Ильи Репина «Гопак». Оборвав листочки с вездесущих деревьев, путник пустился с фатальной неизбежностью в просмолённую жутковатыми дождями варварскую глушь. Бравируя шпионской походкой перед местными жителями, Архиписк заплатил разбойникам четыре доллара за невинный осмотр достопримечательностей. Сумму, паритетную его ежемесячным доходам в январе, феврале и декабре, когда наш герой погружался в зимнюю спячку. Это был щедрый поступок, достойный заезжего графа, отъявленного показушника и негодяя.

Агрессивно настроенный Кровожад Полкан перебрался с круизного парома в утлое каноэ. В пароме начался потоп, и переправный крейсер пошёл ко дну, сдавшись на волю волн без единого выстрела спасательно-сигнальных орудий. Никто бы ничего не заметил, если бы флегматичный Кровожад не сказал «сос», больно ударившись носом шлюпки о заросли колючего репейника. Богадельный Былин спасся на редкость удачным способом – в комфортабельной моторке. Остальным членам экипажа повезло меньше. Они попали в лапы к речным пиратам, замыслившим будущую суднокатастрофу ещё в самом нежном возрасте.

К счастью, их невинные жертвы были всего лишь куклы-автоматы. Слегка потрёпанный одноразовыми иглами приставучего репейника, Полкан ощутил в невезучих жилах смертоносный яд. Потайные корни этого банального растения загадочным образом пересекались с корешками ядовитого дерева анчар, отравившего Каспийское море вредными нефтяными отходами. Анархичные бурлаки запустили нефтяные стрелы, и они предательски вонзились в тесное брюхо странника. Дефект шестого чувства подсказал ему, что конец не за горами. Любивший просаживать деньги в долгосрочных вкладах, удалец зашёл за противоядием в популярный приморский банк. Но речные пираты Черноок Стражблок и Архиписк Брентел подмешали ему в отвар земной коры пару ложек коры своих отравленных мозгами полушарий. Страдалец в ответ на их бандитские мольбы о прибавочной стоимости безропотно вывернул карманы.

Вот уже сто лет, как тараканов объявили вне закона и безжалостно уничтожают. Это всё людская несправедливость, расизм. Это апартеид. Почему их загнали в подполье? Любят же кошек, ежей, канареек. Даже мыши имеют своих поклонников. Братья Дуровы очень любили мышей. На приёме в доме московского генерал-губернатора у старшего из братьев, Николая, изо рта выпрыгнула живая мышь. Он успел подхватить её налету, чтобы она не ушиблась, и нежно водворил на место. Его дочь, Наталья Дурова, много сил потратила, чтобы приучить девочек не бояться мышей. Она организовала детскую железную дорогу из Петербурга в Москву. Маленькие мышата перевозили школьников из одной деревни в другую. И повсюду творилась одна и та же несправедливость. Голодные мыши, изгнанные из тёплых амбаров, ютились в расщелинах между шпалами. Дети жалели несчастных животных, но ничего поделать не могли. Взрослые не любили мышей, напуганные пророческой книгой Анри Бергсона «Творческая эволюция», где говорилось о том, что будущее принадлежит другим видам, в частности, тараканам.

Но лучшие умы человечества были всегда выше расовых предрассудков и с большой любовью и уважением относились к насекомым. Римский кардинал Монтанелли пожертвовал жизнью, спасая муравья из-под колёс армейского грузовика. Чернорубашечники раздавили этого благородного человека, а муравей остался жив. К счастью, он дал отличное потомство, и сейчас у нас живёт тридцать тысяч муравьев. А чернорубашечники не оставили

после себя никого и умерли от старости в возрасте, соответственно, муж – 81 с половиной лет, жена – 84 года и 14 месяцев.

А кардинал Монтанелли на самом деле не умер. Просто он разложился на множество маленьких кардинальчиков. Их невозможно разглядеть даже в самый сильный микроскоп. Наука пока не способна доказать их существование. Нам остаётся только верить, что они бродят где-то рядом, весело дожидаясь, когда же мы к ним присоединимся.

Безбалон Аук завернул брызжущее слюной лекало в целлулоидные фантики. Чешуйчатый целлулоид с тяжёлым свистом рассыпался, испепелённый декоративным инструментом. Аук, прагматичный увалень, обдумал план кровавого убийства в честном бою одного растяпы, который всё время поворачивался к нему спиной. Захватив мелко натёртый ухват и раздувшись от важности, Безбалон увидел в красном уголке недостроенного клироса породистую собаку. Мечтатель отвинтил штык от тьюбика с собачьим кормом и подозвал незнакомую сучку, потому что очень любил животных из отряда приматов. Извинившись перед шокированной псиной за свою близорукую ошибку, он дал ей возможность скрыться на расстояние пушечного выстрела, прицелился и запалил фитиль. И, конечно, промазал, поскольку не питал особого зла к четвероногому другу.

Аук свалил с плеч изящную обновку, подаренную талантливым церковным иерархом. На тесном небосклоне, чиркая друг об дружку, как отсыревшие спички, зажигались звёзды. Лунный вектор светил строго на юг, погружая некоторые предметы в крошечную тьму. Усердный Безбалон откопал на кукурузном поле пару картофельных оладьев, но вскоре отбросил эту скользкую мишуру за ненадобностью. Путник имел на голове много высокопоставленных шишек и фонарей, причинявших ему жуткую мигрень. Недолговечные шрамы напомнили задире о поединке с миллиардом сородичей. Они скончались у него на глазах после многовековой вражды. А ведь он был душой этой весёлой компании. Мужественное мужское лицо Безбалона покрылось бабьими слезами и просветлело от скорби.

Аук достал из термоса две ложки термостойких элементов. Затем с криминально-авторитетным видом перешёл улицу походкой быстроногой бабочки, высасывающей нектар. Бездельник знал, что по правилам казино мяч владельцу можно передавать только руками. А простые служащие, вроде безработных крупье,

могут пинать его ногами и рвать зубами, напрягая до изнеможения затылочную кость. Цыгане обучили его играть в рулетку, потому что приписывали ей способность даровать утешение. Аук достал застрявший молот из наковальни и вылез посмотреть на мотоциклетный цокот, а заодно подковать прохуdivшиеся колеса.

Безбалон Аук наколлекционировал килотонну плохо лежавшего багажа. Хорошо утрамбованная в просторном багажнике грузовика коллекция в сумраке зимних дней была недоступна судебным вердиктам о конфискации. К тому же щекотливые судьи боялись нарушителя как огня, уважая за преступный нрав его наклонностей. Прокурор выдрал перо из хвоста домашней птицы, жареного петуха, и нацарапал кровью раздавленного комара вольнолюбивую повестку с братским призывом к либеральной эмансипации. Прочитав писульку, Аук подскочил от страха, как ужаленный жалом злобного дракона, и понюхал тощий одуванчик, чтобы обрести помутившееся зрение. Его чёрная от полуденного зноя душа покинула тело, чтобы отдать багаж голодным крестьянам. Но не посмела зайти слишком далеко. Коренастая зуботычина между глаз персонального ангела-хранителя возвратила её в мирно дремлющие вежды со скоростью одурманенного рикши.

Красная Шапочка была очень застенчивой и стеснялась ходить одна по такой людной улице, как Тверская. Но мама всё-таки уговорила её отнести пузырек с лекарством дедушке, живущему в доме напротив. Правда, в последний момент дочка заупрямилась, испугавшись идти в такую даль. Тогда мама позвонила по телефону заболевшему старичку, который охотно согласился забрать лекарство сам. Дедушка вышел из дома и очутился в подземном переходе. Двигаться ему было очень тяжело, потому что обе ноги и правую руку он потерял на войне с индейцами, а левая рука усохла и только мешала при ходьбе. Но он пополз, цепляясь за выбоины в мягком асфальте, оставленном острыми детскими зубами. Ползти мешали медные монеты, которые прохожие помолже резко швыряли ему в лицо, очевидно принимая за нищего. Некоторые подходили поближе, чтобы запихнуть в его карманы свои толстые бумажники. При этом они наступали ему на руку, вынуждая приостановить свой путь. Кроме того, усохшая рука часто тормозила, судорожно цепляясь за все пробежавшие мимо предметы. В очередной раз совершив непроизвольное сжатие, её пальцы ухватились за хвост зверька непонятной породы. Он протатил старика к небольшой нише в стене подземного перехода

и оставил там, заботливо укутав старыми газетами. А тем временем Красная Шапочка забеспокоилась, преодолела свой страх и отправилась на поиски дедушки. Внучка взяла заветную бутылку с лекарством и двинулась в путь. На улице было тепло, поэтому она оставила дома свой головной убор, на котором когда-то вышила чёрными буквами свой возраст и пол. И теперь никто бы не смог отличить эту прохожую от миллионов других стариков, взрослых и детей. В подземном переходе её подхватила такая же безымянная волна человеческих существ и благополучно выбросила к двери дедушкиного подъезда. Но консьержка не пустила её дальше своего стульчика, на котором она вязала новый пуленепробиваемый жилет своему мужу. Старый вышел из моды. Он прикрывал только ноги, а сейчас было принято носить его на загровке, между правой лопаткой и левым ухом. Её бронированный муж спросил девочку, кто она такая. Внучка честно призналась, что идёт на поиски дедушки. Консьерж нашёл в своём досье нужную фотографию, но не смог обнаружить абсолютного сходства. В это время на ступеньках показался сам дедушка, возвращавшийся домой после приключения в подземном переходе. Он сразу узнал свою внучку, хотя за последние двадцать лет, что они не виделись, та очень изменилась. Густая серая шёрстка покрыла её мордочку. Глаза стали большими и злыми, и к тому же горели жёлтым голодным огнём. Хищные уши торчали, как две космические антенны. Острые клыки весело скалились ему навстречу. Но стариковское сердце подсказало бывшему охотнику за скальпами, что перед ним его родная внучка. Он плюнул консьержу в лицо отравленной жидкостью, и тот поскорее кинулся к себе в дворницкую за противоядием. Дедушка гордо взял Красную Шапочку под руку, и они спокойно прошли почти до самой двери. Правда, вслед им была брошена граната, но не взорвалась, а всего лишь разломилась на мелкие осколки, которые не смогли пробить толстую шкуру Красной Шапочки. А деду отсекли отсохшую руку. Это событие только рассмешило их обоих, потому что рука давно нуждалась в хирургическом вмешательстве, и такая несвоевременная ампутация спасла жизнь и дедушке, и внучке. Дедушке – потому что взамен старой руки у него выросло много новых молодых, сильных рук, и он теперь мог свободно передвигаться и даже стрелять. Он достал трёхстволку и выпалил весь заряд прямо в голову внучке. Волчья морда исчезла, утащив с собой волчью шкуру, и перед ним предстало его ненаглядное дитя, правда, частично переваренное в желудке хищника. Но смелое и гордое сердце внучки уцелело и

пустило молодые весенние побеги будущих рук и голов, затопив всю комнату жизнеутверждающим ребячьим визгом.

Сновагол Доброк накачал погребальную урну прахом своих предков. Нашпигованный родительской мудростью и хладнокровием монолит был спрятан в раскидистом дупле годовалого дуба под пальмовыми листьями. Число свежерубленных колец на срезе величественного дерева по странному стечению обстоятельств не совпадало с его юным возрастом. Увядающее от засухи бревно с тяжеловесными останками геральдических предшественников Сновагол поливал из лейки. С почтительным уважением к фамильному древу. В общем, оно пустило корни, и родители воскресли. И сразу бросились в погоню за сыночком, чтобы отобрать незаконно унаследованный титул кардинала.

Преследуемый помешал в желудке леопарда телефонной трубкой междугороднего мобильника. Он хотел нащупать голоса жителей соседней деревни, слопанных доверчивым хищником в канун наступления предрассветной зари. Доброк был типом, помешанным на деревенских шмотках, и надеялся, что сукновальные хламиды его односельчан ещё не переварились. Храпящий спросонок людоед, к счастью, не заметил щекотливого зондирования. Демонстративно вынув из почек царя зверей дюжину драгоценных камней, заботливый ветеринар разбудил пьяное животное от наркотического наркоза.

Сновагол подсадил в одноместную телегу с односторонним движением бабочку-однодневку. Благотворитель помогал животным улетать на юг, когда снежные сугробы мешали им свободно кочевать в окрестностях облюбованных помоек. Тромбовидный Доброк постоянно переосмыслял наружность и нравы слоноподобных мамонтов. Вымерших от эпидемии скарлатины и междоусобной войны с саблезубыми тиграми, заразившихся корью от безногих палеонтологических обезьян. Он без зазрения совести пришёл к выводу, что потребительский спрос на мамонтов резко упал и тогда их бесчеловечно перестали разводить.

Сновагол по-разному относился к кардинальскому титулу, украденному у человеколюбивых предков. Когда он отдыхал и развлекался, ковыряя блюдо с питательной похлебкой мухобойным ножом, то снимал папскую тиару. Его папой был мудрейший архиепископ с вечным разумом в спинномозговых канальцах, затерявшихся в атлетических отложениях солей мускулистого костяка породистого тела. По чистой случайности дедом Доброка

по генеалогической линии стал узурпатор, похитивший корону царя зверей у вконец опустившегося светского льва. На самом Сноваголе иерархическая лестница, к сожалению, обрывалась. Из-за демографического взрыва, погубившего династию.

Наполеон выиграл множество сражений и остался жив. Солдатам его повезло меньше – они тоже выиграли множество сражений, но, к сожалению, погибли. Ну а неприятелю пришлось хуже всего – он не только погиб, но еще и позорно проиграл все свои битвы. Наполеон после тяжелой военной работы любил гулять в одиночестве при луне. Но даже если б он захотел пройтись с кем-нибудь в компании, у него это не вышло: все его сподвижники были мертвы. Как-то во время ночной прогулки он встретился с маршалом Блюхером и герцогом Веллингтоном. Между ними состоялась интереснейшая беседа. Каждый военачальник утверждал, что очередную битву выиграл именно он. «Вы не отбрасываете тени», – насмешливо сказал Наполеон. И призраки его врагов с позором удалились. Но тут Бонапарт заметил, что и сам он не отбрасывает тени. Со свойственной ему французской любезностью и чувством исторической справедливости, он бросился догонять своих спутников, чтобы извиниться перед ними за незаслуженно нанесённое оскорбление. Но они растворились в воздухе с немym укором, как тень отца Гамлета. Наполеон осмотрел валявшиеся вокруг тела своих и неприятельских солдат. С ними было всё в порядке. Тень они давали превосходную. Но двигаться почти не могли. Наполеону стало жаль израненных солдат, и он отнёс их в полковой госпиталь. Там сестры милосердия перевязали им раны, пробудили в них волю к жизни и боевой дух. Вскоре солдаты враждующих армий набрались сил настолько, что собрались в трактире праздновать своё выздоровление. Бонапарт сидел и курил в задумчивости трубку и уже не понимал, то ли это никотиновое облако так точно обрисовывает его гибкую фигуру в маршальских штанах, то ли это долгожданная тень появилась наконец. А солдаты спорили, кто из них выиграл войну. И тут одна из сестёр милосердия с ужасом заметила, что все они не отбрасывают тени. Но вскоре эти brave вояки задымили своими трубками, и тень снова появилась. Император, измученный сомнениями в легитимности своего присутствия на земле завоёванной Бельгии, вышел посмотреть на обитателей деревушки Ватерлоо, где происходили эти исторические события. Крестьяне важно прогуливались с трубками в зубах. Причем курили все – старики, женщины и даже дети, одетые в

забавные матросские костюмчики, введенные в моду адмиралом Нельсоном. Бонапарт дошёл до ближайшей станции железной дороги и сел в вагон для некурящих. Но и там почему-то всё было пропитано запахом дешёвых сигарет и накурено так, что хоть топор вешай. Император сошёл у Эйфелевой башни, взобрался на самый верх и прыгнул. Падая вниз головой, он с радостью заметил, как его огромная тень сумрачно легла на карту Северной Европы. Внизу его со смехом подхватил английский герцог, и они весело унеслись играть в солдатиков, в беспорядке раскиданных возле свежевыкопанных лунок.

Амулент Мужлон насыпал щепотку чугуна в мраморную амбразуру. Надёжнейший известняк потрескался и закипел, как кочан сельдерея. Мужлон, жуткий скряга и сверхъестественный грубиян, проник в горницу без особых финансовых потерь, взломав неприступную стену. Он нагрязнул в родовое гнездо сиротского дома с недобрыми намерениями. Ловкий спортсмен слегка улучшил кровообращение, на досуге растянув вены изматывающими механическими трюками. А потом снял показания хронометра с переднего копыта откормленного на убой скакуна. Стрелки секундомера обладали живописной красотой, потому что были намалеваны очень прозрачными чернилами на весьма неприглядном циферблате. Мужлон подбросил на церковный жертвенник тряпичную рубашку, срезанную на счастье с пляжного комбинезона. Комбинезон он снял во время линьки после паломничества в жаркие страны и больше не носил. Амулент с ходу пробормотал триллион отчужденных молитв. Невоспитанный маньяк захотел попасть пальцем в небесную книгу Гиннеса, но промахнулся, неизбежно переврав текст соборной проповеди заборными словами. От страха почесав поджилки, безбожник в гневе ободрал с осенних листьев все иголки, обнажив чахлую от дрожи в коленках растительную флору. Изобретательно продемонстрировав власть человека над природой, будущий дебошир из-за отсутствия правил дорожного движения сбился с пути и слегка заблудился в рощице из трёх равнобедренных фиговых деревьев.

Амулент полил селёдку солёным океанским соусом, чтоб, излечившись от морской болезни, она согдилась для сухопутного переваривания. Печальный юноша накопил в скандальных драках много фонарей и шишек, которые хранил в мешках под косыми от слезоточивого газа глазами. Он откопал на дне морском незначительное месторождение селёдок и бросил им крючковатый

жребий, чтобы, зацепившись, они могли выползти на свет божий всем скопом. Опытный рыбак догадывался, что эта стерлядь имела вредную привычку склеиваться хвостами. И всё смотрел, не отрываясь, водолазным взглядом на сыпучие пески обмелевшей дюны, ожидая, когда оттуда вылупится ликующий рыбий глаз. Мужлон был сыт по горло тиграми и черепахами, а теперь ему захотелось глубоководной дряни. Азартный охотник заметил диагональным зрением тяжеловесные погоны егеря, ковылявшего со своим одиноким другом из породы бульдогов. Профессиональный браконьер не любил делиться охотничьим трофеем, предельное количество которого достигло неподъёмной критической массы. Его золотые руки не могли расхлебать эту кашу без навязчивой посторонней помощи. Полежав двадцать секунд в послеполуденном нокдауне, Амулент очухался, и навсегда бросил незаконную рыбалку. Оставив за собой поле битвы для более компетентных лиц.

Германия – лирическая страна, где происходят самые неожиданные драмы. Господин Ленский стал доцентом одного из университетов, где обучались Фрицы. Он преподавал им науку вечной любви. Как создать общество любовников. Продолжение его деятельности было сопряжено с огромными трудностями. Конечно, это вечная беда, это чума нашего века – дуэли. Каждый день приходилось отстреливать не меньше сотни учеников. Тогда он и прославился как первый изобретатель водомёта. Стреляя мёртвой водой, приводил их мозги, завернутые набекрень, в нужное положение. Потом поливал их живой водичкой из экологически чистого Баренцева моря. Это не могло не вызвать недовольства властей. Увеличение поголовья здравомыслящих людей мешало тиранам подавлять свободу. Тиранам было очень мучительно больно смириться с таким положением вещей. Сам император вызвал изобретателя на дуэль. Все прогрессивно чувствующие опасность создавшейся ситуации пришли посмотреть. Интересы правительства вызвались защищать один из фрицев, по профессии палач, вооружённый деревянной химерой с намыленной затяжной петлей. У Ленского была всего лишь трость, заражённая вирусом сибирской язвы. Фрицу выпало сделать первый ход. Он попытался накинуть свой безупречный аркан, это безумное лассо, эту ослиную упряжь, на ненавистного оппонента. Но Нобелевский лауреат успел скрыться в толпе единомышленников. Несчастный Ганс разломал хитроумное приспособление, послужившее верой и правдой многим поколениям столичных воров...

Сибирская язва, не нашедшая себе применения в дуэли, мирно разбрелась по стране, встречая уважение и приют в каждой семье. Самодержец и тиран сам заразился ею и теперь проповедует вольтерьянство в деревнях... – в пригороды пока не пускают, помня его небезупречное поведение, безграмотность, нелогичность, отсутствие духовного кругозора, творческого воображения и так далее. Новая тема – это Ленский и женщины. Женщины не любили Ленского. Он был удивительно некрасив, какой-то странной, неземною некрасотою. Волосы, служившие ему плащом в любую погоду. Мёрзлая глина, оберегавшая его кожу от дальнейшего обморожения. И, конечно, глаза, вмещавшие несметное количество немой посуды. Но привычка осыпать драгоценными камнями трактирных служанок помогла ему снискать и женскую любовь. У него оказалась целая груда обручальных колечек. Он сплёл из них огромную сеть и покорила сердца обитателей подводного царства. На дне океана возникла республика свободных медуз, раскинувшая свои щупальца по всей Вселенной. Солнца закатывались одно за другим. Подводное фосфорическое мерцание озарило землю. День и ночь смешались. Счастье окутало всё феерическим туманом. Любое злодейство и злопыхательство стало неразличимым и бессмысленным.

Слабоног Провинц скрепил зёрнышки вермишели ботвой толчёного жёлудя и закопал в сыпучих песках. Зубастый симулянт самокритично положил под язык плоскостопый кляп. Чтобы не выболтать дату проведённой акции во время интимного сна. Провинц не ведал сострадания и месяцами не всплывал на поверхность, добывая из брэнной оболочки акваланга еду и питьё. В канун президентских выборов он обычно ночевал в пятиэтажном доме, окружённом со всех пяти сторон дремучими деревьями. В этом чёртовом захолустье было неприлично делать себе искусственное дыхание из-за несовершенства гимнастической техники. Но опытный психолог всё же разглядел маломощным зрением диковинные пятна на чувствительной совести, отягощавшие её странными виньетками.

Слабоног облегчил тяжеленное бревно, срезав неподъёмную кору, и безропотно перенёс его на склон горы. Неповоротливая коряга с мистическим скрежетом скатилась с крутого подножия утёса. Самоотверженный лесоруб напоследок подтолкнул бревновый ствол великовозрастным плечом, чтобы жестковатая точка опоры не помешала ему привольно скользить по скалистым

уступам. Мямля подержал во рту отвар салата из диких гусей и развязал торчавший с боку бантик. Это был условный знак, что красноречие бедняги иссякло, а ерундой он мог заниматься бесконечно. Провинц заметил кощунственное сходство своих штанов с королевской мантией. В самых значных местах обветшавшей одежки юродиво позвякивали следы несмываемой голубой крови.

Слабоног Провинц вовремя одумался и приказал долго жить своему дяде, симптомы которого резко поползли вверх по ненадёжной кривой успеха. Грубиян надеялся, что любимый родственник заработает ему побольше синтетической вискозы. Этот похотливый товар легко обменивался на популярную в народе бижутерию из накрахмаленной ткани. Племянник хлебнул пару чинариков перегара и послал радиосигнал неразборчивому в средствах епископу, чтобы тот поскорее составил скрупулёзную опись дядиного домашнего очага. Церковный иерарх с готовностью выполнил приказ знатного молокососа. Услужливый бумагомарака погрузил десять тонн скорописной писанины на автопогрузчик и дал стрелкача в надежде заработать чаевые.

Слабоног отправился на поиски других претендентов на наследство: единоутробных или же единокровных братишек и сестрёнок. Один из них, Безбалон Аук, поборник справедливости, считался вторым по уму после слона. Но на самом деле слонopodobный Аук был гораздо хитрее и смекалистее, чем это неразумное животное. И весил он в неравном бою на две унции больше. Что давало ему бесчисленные преимущества и символическую поддержку народных масс. Безбалон иногда себя недооценивал и попадал впросак из дорогого самострела, стрелы которого застревали в чувствительных ноздрях благородных антилоп. Дикие зверюги переставали чують близкую опасность и безрассудно попадались в силки и капканы осторожного охотника. После такого стремительного стресса они уже не оказывали жестокого сопротивления, позволяя спустить с себя шкуру с бесполезными в смертельной схватке мехами.

Когда Золушка проснулась в королевском замке, уже принцессой, слуги ещё спали. Она подмела и вымыла ступени великолепного дворца. Потом принялась за двери и окна, заново натёрла паркет и вынесла мусор. К полудню дворец сиял, как новенький, приведённый в порядок после свадебного пиршества. Восхищённый принц разогнал всех слуг-дармоедов и сделал Золушку своей экономкой. Он понял, что бедняжка, не умея жить в благородной

праздности, зачахнет без работы и умрёт. А так как место принцессы оказалось вакантным, он выписал себе из-за границы новую и женился на ней.

Я видел эту новую принцессу. Она могла часами сидеть у открытого окна и мечтать. И чем дольше она мечтала, тем прекрасней становилась. Никто в мире не умел так красиво бездельничать. Её красота всё совершенствовалась и вскоре засияла так ярко, что обжигала взгляд, причиняя невыносимую боль. Даже принц входил к ней только в чёрных очках.

Я, поражённый насмерть неизлечимой любовью, тяжело заболел, но не в силах уйти своей дорогой, остался на кухне, у Золушки. Там я доживал свой век среди ароматов жареного лука и кислой капусты.

Прошёл год. Целебный воздух, напоенный испарениями гниющих овощей, излечил меня от романтической влюблённости. Я смог наконец покинуть замок заботливой Золушки и принцессы, такой убийственно прекрасной, и направился в Альпы, где «Мадам установила своё пианино». Там она ждёт меня и всех остальных, кто захочет. Так, по крайней мере, я прочёл в газетах.

Борматрёш Отшиб увенчал толщю антрацита сельтерской слюной. Безвкусица слюны облагораживала привычными контурами интеллигентный, как суверенное государство, анфас Борматрёша. Он услышал эхо пропеллера надувного гидроплана и пригрозил ему сеткой для ловли блох. Трусливый дирижабль скинул семнадцать бутылок балласта и резко уменьшил свою видимость, укрывшись в тени багровых туч северного сияния. Но златоглавый Борматрёш, потомок от брака Адама с эскимоской, донимал его начальственными окриками, пока с удивительным хладнокровием не заткнул свою пасть питательным кремом. Он встал подальше от любопытных стен родного дома, инкрустированных висячими, как ослиные уши, слуховыми аппаратами.

Борматрёш наточил боксёрскую грушу перед решающими родовыми схватками. Два знатных рода состязались в непомерном уважении к собственной персоне. Проворовавшийся Отшиб завернул драгоценный пенни в хлопчатобумажный фартинг, чтобы не просадить в азартной игре на клавесине. Клаксоны японского клавесина были украшены чётным количеством цветов чернослива, популярными в погребальной архитектуре того времени. В конечном счёте, рецидивист разбил цепи военнопленных на отдельные звенья и связал их коротким поводком. С назидательной целью

сделать вражеских солдат более самостоятельными и бескорыстно преданными своему кандалному жизненному пути.

Отшиб прополоскал крупицу ртuti в дупле виноградной лозы, отобрав самые мелкие атомы в отдельный мешочек. Он использовал эти антикварные физические элементы для зачупорки мостовой в весеннюю распутицу. Алхимик побагровел от глубоких мыслей, вызванных одобрителными диагнозами его личного рентгенолога. В ксерокопии души великого гигиениста не нашлось ни одного позорного пятна, оставленного утомительным опиумокурением. Логичный Борматреш сделал неопровержимый вывод, что его родители, обладавшие незавидным здравым смыслом, не знали никаких вредительских пороков. Да и само зачатие его было непорочным, как жалобная книга. И жюри присяжных, изучив анализ кровообращения клиента, с подневольным вздохом вынесло оправдательный вердикт печально известному оборванцу и рогносцу. Два члена юридической консультации не согласились с этим чисто интеллектуальным решением. Глиняная свистулька в карманах подсудимого клерикальностью выдуваемых мотивов походила на краденую вещь. К тому же она была разбита на мелкие осколки, что свидетельствовало о мелочных и низких привычках досрочно освобождённого. Но по твёрдому убеждению светской черни в табачном дыму подозрных трубок сбежавший выглядел слишком микроскопично. И ничё хирургическое вмешательство уже не могло помешать ему близорукими надрезами.

Винт Гриф писал своему другу Валуа Амбару: «Все мы пристально следим за твоими успехами на чужбине, веря, что когда-нибудь ты снова вернёшься». Сбылось. Вернулись 400 миллионов работ знаменитого киллера, водопроводчика, философа и художника. Винт Гриф, модный показушник, в укороченном пиджаке, ждал прилёта своего товарища, опасаясь, что у того не раскроется парашют. Неразгибаемый недуг помешал ему предупредить друга о возможных неисправностях в экипировке. Парашют для него он купил по дешёвке среди всякой рухляди на аукционе. Винт Гриф ждал, а где-то по соседству ребёнок исполнял музыку ночи, выдергивая из стручков созревшие семена сухофруктов. Потом этот победитель дизелов стал есть спрессованную плитку от Диора, а самый большой духовой инструмент подавал ему воду. Ещё позднее, когда закрылась сеть магазинов нетрадиционной медицины, в воздухе показался король провокаций Валуа Амбар. Винт Гриф заставил свой организм перейти на абсолютную шкалу

температуры, и сердце отпетого авантюриста забилося чаще, как у хищной птицы, застрявшей в мини-маркете.

Паращют у Валуа Амбара действительно не раскрылся, но вокруг его головы появилось сияние в виде кружка, и воздушные потоки образовали новые, тесные связи, что помогло Валуа приземлиться на мягкую подушку цилиндрической формы. Эту подушку ему вовремя подложил человек, пожелавший остаться неизвестным. Но упрямый Валуа Амбар заставил своего спасителя показать документы. Спасителем оказался Лепет Шпага, по профессии шкурник, самый первый из известных науке основателей религии. Валуа Амбар окружил его нежным материнским отношением. Он вытащил своё оружие с семипатронным барабаном и выпустил все пули в нового друга. Лепет Шпага покачнулся, но остался жив. Новогодние украшения из тонких скрученных ленточек спасли ему жизнь. А Валуа Амбар убедился, что документы его нового друга не фальшивые, а самые натуральные. Решив, что умная критика лучше, чем дурацкая похвала, он сказал: «Династия Джеймсов Бондов должна уйти в отставку. Нам остаётся забросать грязью их невкусные воздушные печенья». Лепет Шпага согласился, и они отправились в шпионский притон, где притаился неприятель. Винт Гриф поплёлся за ними, надеясь на удачный исход для автомобильного вора, каким он был в реальности. Сердце не камень, и Валуа Амбар простил ему неисправный парашют, выпив с ним в знак примирения кружку-другую жидкого рекламного газа. Они продвигались по гребной дороге, стараясь не обгонять самых глубоководных пловцов. Фотонож помогал им в неделикатном обращении с шпионскими сейфами с шоколадным сырём, пригодным как для резки, так и для сварки. Они искали бумагу, способную к размножению, с большим количеством нулей после семёрки. Более крупные купюры, начинавшиеся с цифр «восемь», «девять» и так далее, были им неизвестны. Но в шпионском притоне имелись и такие. Кроме того, друзья нашли там среди запрещённых предметов религиозного поклонения виноградинку, украшенную морщинками, линейку для вычерчивания кривых и судовой шланг. Валуа Амбар впал в состояние отрешённости и экстаза, а у Винт-Грифа начался динамичный процесс усвоения знаний. Когда шпионы вернулись, друзья пришли в себя и поняли, что нет среди присутствующих ни одного дрянного человека, у которого кредо – неправда, и с извинениями, принятыми в высшем свете, поспешили в столичный парк.

Лицеморд Двулич расцарапал мешковатый ранец грушевидными надрезами. Прохудившаяся торба дала уникальную течь, но под высоким давлением каблуков хозяина снова загерметизировалась. Ортопедически настроенный турист усилил мощь своих подошв новыми сапогами и зашагал через проходную пустующего двора, негромко грохоча рекламными наклейками по второсортной мостовой. Агрессивный путник опрокинул горшок с цветущими левкоями – прямо на огородную клумбу, из которой он высовывался. Разбившийся горшок покрылся трагическими трещинами вдоль случайно уцелевших черепков. А неустрашимый исследователь флоры проследовал в конюшню за дровами, которые по ночам аскетично использовал для освещения родного города пламенем пожарищ.

Двулич положил эскиз бегущего дракона поперёк дороги, чтобы крылатое животное не убежало слишком далеко. Интеллектуальный до мозга внутричерепных костей, Лицеморд исхитрился путём декоративной эпиляции ошипать стадо диких, неприрученных овец. Он пропитал их толстокожую шкуру моржовым жиром на случай непредсказуемых весенних заморозков. Двулич суеверно хранил вино в пустых бутылках, число которых никогда не превышало пятидесяти процентов от общего количества. Недостаток сексуальной притягательности он компенсировал интригующими отпечатками пальцев, рисунок которых в задумчивости повторял сцену соблазнения Данаи коварными гамма-лучами.

Лицеморд допросил двенадцать апостолов, чтобы проникнуть в сокровенные замыслы этих святых людей. Затем хладнокровный палач записал их амурные истории в протокол, а стенографический конспект проповеди вернул авторам благовестия, поскольку уважал и высоко ценил чужую собственность. Правовверный Лицеморд бросил по-снайперски меткое словцо вдогонку уходящим вольноотпущенникам, но не попал, потому что розовые очки загромождали его чистокровное зрение лабораторными линзами. В таком чернооком ракурсе он всё-таки заметил безграмотную толпу простолодинов и с разгильдяйской готовностью к ней присоединился. Темпераментный Двулич не подозревал, что толпа занималась консервированием урожая природного газа, взрывоопасного, как любая вулканическая смесь.

Лицеморд в очередной раз изучил своё анатомическое устройство, вынув из шкафа и внимательно отряхнув пыль с фамильного скелета. Все Двуличи отличались на редкость заплесневелыми глазницами и провалившимся носом. Эта изюминка

придавала их династии образцово-показательный вес в обществе. Но юный естествоиспытатель не ограничился сквозным просмотром достопримечательных предков. С помощью ножниц негодяй соскоблил пергаментную чешую, прикрывавшую стыдливую наготу его папаши. Подсыпав в полученную кожуру бикфордов шнур, он легкомысленно вышел из дома, забыв потушить фитиль. Особняк родового имения содрогнулся и затрещал по швам, как марьяжный карточный домик. Но отважный Лицеморд даже не оглянулся, оглушённый щекотливыми историями, которые ему нашептывали его вездесущие друзья.

Вальс Холст вёл систематические личные записи. Среди них была такая: «Молочный камень реактивного двигателя активизирует жизненную энергию и придаёт бодрость дыхательным органам». Холст зашёл в аптеку и попросил аналогичный предмет для своей повседневной жизни. Аптекарь разгладил лёгкие складки на белом платье, но не сумел обнаружить в них молочного камня. На его безработном лице отразилось болезненное страдание, а с христообразных губ слетело одно лишь слово: «Треск-Шпал».

Треск-Шпал, антипод анода, жил в далёкой Азии, но Вальс Холст не побоялся уступчивого перехода через горы, потому что сам жил в сплошной азиатской стране, а к евроаптекарю попал случайно, с помощью заболевшего вихря. Обратная дорога для будущих альпинистов была физиологически невозможной. Для всех, исключая Вальс Холста, который был альпинистом не будущих, а вчерашних дней. Он заложил за воротник цветок печали и скрылся за поворотом спортивной дорожки, проложенной древними китайцами от евроаптеки к его дому. Шеф команды архангелов помог паломнику избежать восторженных взглядов публики и незаметно вернуться домой.

Незаметно для всех, кроме Булавки Шайбы, который, презрев утренний сбор деревенского стада, разлёгся посреди тропы и укусил Вальс Холста за оборку левой штанины. Булавка был главой волчьей стали и её основным добытчиком. К тому же он служил легендарным разведчиком у Треск-Шпала. Твёрдую надежду вернуться в отчий дом он заменил в слабом сердце Вальс Холста любовью к верховой езде. Холст оседлал волчару и мгновенно оказался в безответных объятиях Треск-Шпала. Знаток камней встретил гостя теннисным ударом в профиль, подрисовав к нему термостойкую синтетическую накипь. А потом достал из переднего кармана для мух драгоценный камешек и сказал: «Несчастные

случайности в моём ремесле не помеха счастливому постоянству, а поверхностные романы наших отцов-молодцов сделали тебя моим братом по крови. Клянись, что никогда не будешь просить у меня эту вещь, или я заставлю тебя выпить французской минеральной воды на целый доллар!» Офицер для деликатных поручений тут же положил на одну чашку весов указанную драгоценность, а на другую – флакон с ядовитой жидкостью. Но Вальс Холст недаром слыл у себя дома сильной половиной семьи. Соблюдая невиданную конспирацию, он схватил драгоценный камень, а флакон с ядом задвинул в карман для мух своего самозванца-брата. Все мухи мгновенно сдохли, и несчастный Треск-Шпал был слишком озабочен предстоящими похоронами, чтобы всерьёз преследовать легкомысленно убегавшего похитителя чужих вещей. Хлыст для верховой езды помог Холсту довести свою иноходную поступь до самого бешеного галопа. Пониженное кровяное давление в хлысте сменилось повышенным, и спасительный бич треснул, залившись красной краской. Так прекрасная половина человечества приветствует некрасивую, уходя на гражданскую войну между полями и родами. Вальс Холст скакал 18 часов в сутки, стараясь передвигаться по ночам, чтобы попасть в евроаптеку в дневные часы работы. Довольный аптекарь выпустил его через узкое отверстие в спортивной дорожке и взял молочный камень на повседневное хранение.

Черноок Стражблок расколол окружающую среду на отдельные кабинки. И поднял свой засиженный мухами череп с увлажняющей кожу морозной полыни, чтобы полакомиться позеленевшим от подливки виноградом. Кондитерский виноград мог выдержать пережевывание острейшими слоновьими клыками, но верхние зубы Беспартока пригвоздили его намертво к нижней губе. Блистательно закончив утренний завтрак, Штанин выплюнул непригодный в пищу виноград обратно на цветущую ветку плодового кустарника, и ягоды с точностью ввинтились на прежнее место. Апатичный дегустатор с нелёгким топором в руках чувствовал себя, как рыба в воде, пока его акустическое ухо не обвисло от наступившей лени на семь сантиметров ниже необходимой нормы.

Черноок ликвидировал проторённый рекой путь, и мутнейшая от заокеанских водорослей вода хлынула в обратную сторону, вернувшись к истоку из чисто принципиальных соображений. Блюстителю порядка задрожал, словно электрический скат, и

пошёл сушить на солнышке грязные отёки, оставшиеся после стряхивания жидковатых капель. Он галантно посыпал нетрадиционной пылью пестик одуванчика. Увесистый сорняк согнулся в три погибели и зачах на скорую руку. Стрижка бесполезных полевых цветочков стала отважной репетицией в предстоящем бою с матерыми бандитами, которых легче было заставить работать на себя, чем внезапно ошеломить и обезглавить. Штанин плотно закрыл левую ставню, чтобы свет из правой не отражался в ней напоподобие рыболовного крючка.

Стражблок узнал, каким дураком он был, доверившись покосившейся фок-мачте. После кораблекрушения она носила его по воле волн, вместо того, чтобы мирно дрейфовать к спасительной гавани, как наученные горьким опытом бизань и грот. Когда наивный беспорядок урагана сменился логически выверенной премудростью штгиля, Штанин получил рекомендации свыше. В божьем откровении, без грубых обиняков и грязных экивоков, открытым текстом говорилось, что море, судя по его незначительным размерам, подходит к концу. Моряк надул спасательный жилет, чтоб не разбиться о жёсткий контур каменистой суши. После кораблекрушения от недостатка твердой почвы под ногами из двухсот тысяч волос уцелел всего один клочок шерсти – между рёбер славного купальщика.

Черноок бдитительно расслышал у себя за спиной контральто снайпера-контрактника, больно задевшего оптическим прицелом его левое ухо, и внимательно насторожился. Недовольство вооружённого грабителя усилилось, и раздался сверхточный контрольный выстрел. Глушитель пистолета оглушил жертву мертвящим скрежетом. Когда развеялся пороховой угар, любопытные зеваки уже окружили киллера, фотографируя его продажную шкуру, которой он пытался замаскировать от нескромных взглядов честное, интеллигентное лицо. Но Беспартук сдернул невидимое покрывало с отверженного лика и узнал нарядную внешность своего внештатного протезе Безбалон Аука.

Альтамин Тортила был худшим из пессимистов. Он считал: «Если начальник пытается произвести впечатление на подчинённых знанием деталей, он теряет из виду конечную цель». Помимо весомости и грубости Альтамин ценил в людях способность превращать в золото всё, к чему они прикасаются. Оседлав человекообразную лошадь, Тортила завёл движок и отправился на поиски идеальных подчинённых. Он старательно объезжал

дорожные знаки в вешних и зимних водах, а летом и осенью останавливался в них на ночлег, потому что в эти сезоны указательные стрелки становились похожи на его любимое чёртовое колесо. Там он и встретил Бреша Хереса, серьёзно изучавшего чертоколёсную реальность, бывшую на самом деле нереальной. «Как насчёт золотишка?» – участливо озадачил его Альтамин. «Рэкет», – лаконично осведомил Брешь нового знакомого. Неаполитанский источник золотой лавы находился в Неаполе, и с помощью вымогательской морзянки можно было настучать туда сообщение с просьбой о скорейшем извержении. Вулкан ответил, что у него «тихий час». Альтамин Тортила от отчаяния и нетерпения размазал себя по тарелкам, случайно пролетавшим мимо. Строгий Брешь Херес напомнил ему о соблюдении земного этикета перед небесными силами и соскоблил Тортилу с тарелок, соединив друга в привычное и целеустремленное целое. В это время года шерсть после линьки росла очень быстро, и скоро Альтамин успокоился, приняв достойный прежний вид. Было холодно, и он потянул первое встречное одеяло на себя, обнаружив под ним страшного старика с косой, Шасси Кузину. Шасси Кузина появился на свет 18 лет назад в результате оригинальной забастовки водителей грузовиков. В его великолепном бессознательном сосуществовали как черты тонкозащитрихованных водителей, так и вредительски настроенных грузоподъёмных самосвалов. Вообще этот старик выглядел как плачевный результат шофёрской торопливости и нерасторопности. Но он был подходящим прожектором для приведения тихого источника золотой лавы в буйное состояние. Альтамин с другом прибыли в Неаполь, сдав Кузину в камеру хранения, чтобы тот не подвергся зловредному действию солнечного паруса, эпидемия которого свирепствовала в окрестностях этого города-героя. Как известно, звание героя присвоил вышеуказанному населённому пункту император Калигула по совету своего человекообразного коня за героическое поведение камней, точивших местную воду маленькими капельками долгими зимними и короткими летними днями.

Прошло время хиханек да хаханек, и друзья пустили в дело Шасси Кузину с его страшно косящим прожектором. Коса прожектора высекала из днища вулкана азот, хлор и железняк вместо долгожданного золота, пока Брешь Херес не догадался включить лабораторный индикатор. Вулкан лопнул с досады и выпустил струю чистейшего архангельского золота самой высокой и чистойплойской пробы. Золотые слитки были срочно замаскированы под весенний луговой покров, хотя на дворе уже второй год стоял

суровый январь и не собирался сдавать своих позиций приезжим лоботрясам. Золото увяло на корню, замёрзло, но этого и хотелось хитрющим негодяям, испытывавшим к нему сложные противоречивые чувства: сначала добыть, а потом погубить. Побросав на ветер все свои деньги и множество бесполезных слов, Альтамин Тортила удалился в добровольное изгнание вместе со своими впечатлительными подчинёнными.

Кровожад Полкан присовокупил определённый безличным местоимением артикль к крепкому словцу. Контактная оправа очков с его изменившегося лица свесилась на самое дно желтоватых линз. Крихтель, словно какой-нибудь Лавуазье, мечтал разделить с другим человеком опыт японского единоборства. Под жёсткой коркой оскаленных зубов он хранил рубцеватый мякиш губ, не знавших поцелуя. Юнец неохотно извлёк бревно из ангелоподобного глаза, случайно заметив, что оно ему великовато. Спрятав осиновый кол за пазухой ливреи, любопытный Хамлеон покрыл многие тысячи квадратных километров спортивной ходьбой. Каждый шагом он невольно вколачивал ржавые гвозди из прогнивших половиц в свежeweымытый линолеум паркета.

Полкан взял на себя труд разъярённого льва и сожрал припасённую на чёрный день овечку. Умиротворённый лев вернулся на пастбище, где его продолжительность жизни подверглась опасности со стороны вооружённого маньяка, смертельно ненавидевшего хищных животных. Хамлеон, притаившись в укромной тени овечьей шкуры, исподтишка откусил у загнанного зверя львиную гриву. Немного пошумев и посыпав песочком поврежденную башку, царь зверей поплёлся навстречу известному селекционеру. Учёный давно обещал улучшить его экологическую ситуацию, обработав прохудившуюся шкуру дубильными веществами. Афористическое воображение Крихтеля не позволило ему броситься вдогонку за львом, чтобы обломать ему чудом уцелевшие рога.

Кровожад заправил градусник вместо ртути использованным шнапсом. Автогонщик измерил температуру бензина в радиаторе бензобака и прибавил угарного газа. В хмельном угаре ему легче было ориентироваться на незнакомой местности. Гадалка нагадала дальнюю дорогу. Крихтелю не терпелось скорей выполнить её географические указания, пассивно подчинившись воле вероломной судьбы. Конечно, он заехал в непроходимый мрамор и не знал, как выпутаться из конкурентной борьбы с другими видами. Хамлеон выпил пару глотков мышьяка, чтобы слегка

успокоиться, но купленный по дешевке яд нагнал на беднягу ещё большую, в сравнении с прежним сплином, тоску.

Полкан поднял с белоснежной усыпальницы тонкий стан и вставил в сапоги со шпорами свои тапочки для сна. В кошмарном сновидении он вспомнил решение физико-химической аксиомы, над которой ломал голову последние сорок с половиной суток. Учёный должен был вытащить из древнейших горных пород уникальный автомобиль вместе с его драгоценным грузом – десятью тоннами бензина. А в придачу ко всей этой дряни – выскочку-шофёра, забывшего выскочить из машины задолго до того, как её занесло на обочину автострады и засосала рутина горного склона. Везунчик пытался собрать по кусочкам горящую влагу из разбившейся фляжки с горючим и загнать её на место, в бензобак. Но дьявол помешал ему сосредоточить естественный ажиотаж на таком богоугодном деле и как следует проутюжить мысли, соединив их в единый кулак.

Итальянцы очень любят вежливое обращение. Они не выносят резких возгласов с приказанием или угрозой. Когда Крузенштерн и Лазарев впервые посетили острова, населённые итальянцами, они были приятно удивлены, как чутко эти люди реагируют на ласку. Достаточно было какому-нибудь боцману нежно погладить по щеке итальянца, как тот бежал в свою хижину за питьевой водой и съестными припасами, а заодно приводил всех своих домашних полюбоваться на такого воспитанного человека. Они помогли загрузить корабли Крузенштерна пушниной и моржовыми клыками, бесплатно, всего лишь за несколько ласковых слов, сказанных капитаном. Крузенштерн уплыл, а Лазарев остался с полюбившимся ему итальянским народом, которому обещал помочь в обуздании вероломного и грубого деспота, управлявшего этой благословенной страной.

Сергей Петрович Лазарев отправился во дворец итальянского самодержца один и без всякого оружия. Стража, состоявшая из мягкосердечных и уступчивых местных жителей, беспрепятственно пропустила его. Путешественник нашёл короля на вершущке колокольни, где он ежедневно по утрам упражнялся в оскорбительной дерзости, равнодушной к мнению людей. Туземный вождь обстреливал хижины своих подданных зажигательными стрелами. Но ветер был неподходящий для такого вида спорта, и стрелы относило к замку, который загорелся, но не сразу, а где-то с десятой попытки. Сергей Петрович оказался заточён-

ным на верхушке башни вместе с полубезумным поджигателем. Но Лазарев был очень смелый человек и наплевательски отнёсся к предстоящему сожжению. Это наплевательское отношение выразалось не только в словах, мыслях и чувствах, но и в поступках. Он потушил пожар виртуозно-точным плевком. Но это произошло не сразу, а когда пламя обступило их со всех сторон. И они с королём получили довольно серьёзные ожоги. Зато пламя, в котором они побывали, растопило жёсткое сердце итальянского короля, сделав его доверчивым и мягким. Ну а Лазарев стал ещё добрее, таким фантастически добрым, что туземцы таяли и исчезали, превратившись в блуждающие огоньки, когда он случайно наткнулся на них своим согревающим взглядом.

Безбалон Аук заменил бамбуковую кисею на мешковатую бахрому. Но плащ дармоеда всё равно пропускал воду. Аук был не похож на своего отца, связанного брачными узами с его родной матерью. Моднейший фронт, без царя в голове, испытывал консервативную грусть по этому незначительному поводу. Безбалон тормознул попутку, ловко подняв руку на уровень плеча проезжавшего водителя. Бесплезное плечо осталось в кулаке хулигана, а попутка, ускорив шаг, двинулась дальше, искусно демонстрируя беспилотную езду. Озадаченный Аук скрыл наметившийся беспорядок на проезжей части от внимательных ушей регулировщика. Катастрофы на этом перекрёстке были доступны только конфиденциальному зрению немногих посвящённых. К числу которых бездарный гибэдэдэшник никак не относился. В незаконнорожденной крови Безбалона гипертрофированный гений удачно сочетался с самым братоубийственным злодейством.

Аук попал стоптанным носком в подстриженную ботву цветника. Болотистая клумба с вегетативным урчанием поглотила неожиданный предмет. Тогда Безбалон забросил в топь кусок бетонированной стали. Пористый базальт впитал ядовитую жижу в свои железные скобы, а опытный металлоискатель продолжил путь, мрачно переступая с ноги на ногу. Реклама густонаселённой деревни гласила, что «дети до шестнадцати лет не допускаются». Аук почесал мужиковатые усы и храбро пошёл напролом. Удалец не боялся никого, за гнусным исключением малолетней шпаны, которую надо было кормить, обувать и одевать. Охранник с удалённым аппендиксом и гландами молча перегородил ему дорогу чистокровным арабским скакуном. Укротитель надел ярмо на скакуна, чтобы тот не брыкался и вскочил в распротёртое седло.

Безбалон раздобыл в обанкротившемся банке листок бумаги, разбившийся вдребезги при падении процента годовых. Тщательно выметая бумажный сор из банковской избы, лупоглазый и остроносый Аук скрестил бёдра на латиноамериканский манер. Поза девственника помогла ему одной рукой поддерживать крышу, а другой полуразвалившиеся стены изувеченного здания. В рассеянности спортсмен перебросил большие пальцы левой руки на мизинцы правой и вышел на крылечко покосившейся при падении лачуги. Тщеславный Безбалон написал письмо своей зазнобе, которую знобило по причине очень холодного климата северной климатической зоны, где она проживала отцовские деньги. Которые достались ей вполне естественным путём в наследство от бабушки, погибшей неестественной смертью в малый ледниковый период.

Аук открыл потайную дверцу в корабельном трюме, чтобы немного порыбачить. В неприглядную щель отворённого отверстия хлынула мелкая рыбёшка. И беспокойно захлопнул дверку, потому что совсем не умел готовить крупную рыбу, просунувшую любопытные щупальца в герметичное пространство корабельных переборок. Рыба-молот (это была она) размолотила уже немало бесчисленных шхун, посланных бесчеловечными судовладельцами на верную смерть. И сейчас жестокий арматор, сидя в безопасности на верхушке грот-мачты, ожесточённо спорил с боцманом. Удастся ли умелому инструктору по кораблевождению вывести полузатопленное судно сухим из воды на утопающий в роскоши светский пляж?

Уругвайский принц Вертихвост был беззаветным любителем родины. И когда, уничтожив коренное население страны, его родину захватили индейцы, приплывшие на моторных лодках из других областей Южной Америки, перед ним встал вопрос: «Быть или не быть?» Несмотря на то, что индейцы обошлись с принцем очень почтительно и даже признали своим пожизненным диктатором, Вертихвост испытывал к захватчикам какое-то непонятное отвращение. Чтобы разобраться в своих чувствах и выбрать правильное решение, принц обратился за советом к знаменитому священнику и миллионеру Томасу де Берланге. Томас де Берланга пообещал Вертихвосту убрать индейцев назад, в верховье иноземных рек, откуда они спустились. С единственным условием: Вертихвост должен найти способ обеспечить племена завоевателей всем необходимым во время трудного и опасного возвраще-

ния. Принц согласился и выдал каждому индейскому воину чек на сумму, достаточную для оплаты пролёта в комфортабельном авиалайнере к месту назначения.

Индейцы очень нежно относились к Вертихвосту, потому что он внешне походил на божество, которому они поклонялись, – деревянной скульптуре мужчины с рыбьим хвостом. Они даже взяли его с собой, насильно, на свою родину, чтобы показать её красоты и достопримечательности. Вертихвост послушно посетил все музеи и архитектурные памятники этой чужой для него страны. И, прожив там полгода, решил возвратиться, но обнаружил, что его счёт в международном банке закрыт и ему не на что возвращаться. Тогда он снова обратился за советом к Томасу де Берланге, сказав, что безумно скучает по своей родине. Священник посоветовал ему взять в проводники как можно больше индейцев, чтобы преодолеть долгий, трудный и опасный переход через джунгли к морю. Весь индейский народ, как один человек, вызвался сопровождать Вертихвоста. Через два года и десять месяцев ужаснейших лишений, какие могли вынести только такой упрямый и гордый человек, как уругвайский принц и фанатично верящие в него индейцы, экспедиция добралась до Монтевидео. Вертихвост, беззаветно любивший свою родину, снова задумался, как избавить страну от индейцев. Томас де Берланга дал ему отличный совет: отделаться от своей чешуйчатой половины – тогда разочарованные индейцы оставят его в покое и разойдутся по домам, находившимся довольно далеко от Уругвая. Принц согласился и избавился от злосчастного рыбьего хвоста, позаимствованного у заезжих русалок его дедом по материнской линии.

Борматрёш Отшиб вдохнул алхимический флюид капиллярами своих почти что невесомых лёгких. С успокаивающим пшиканьем безвоздушная смесь проскочила в узкое горлышко любителя тёмных делишек. Но безжалостный Отшиб вытянул генетическую клеточку флюида из укромного места и раздавил ударом кастета. Ему показалось, что его домашние животные по некомпетентности разлеглись на заражённой реус-фактором лужайке и скрылись от недуга, ускоряющего падёж скота. Обеспокоенный животновод осмотрел грудную жабу. Она была на месте и по первому требованию давала норму целебного молока своим головастикам. Борматрёш боковым зрением почуял крах многоэтажной беседки, шаткие кирпичики которой закрепил не далее как вчера

мощнейший бульдозер. Романтический пастух бросил кур, собак и петухов с индюками и устремился навстречу безработице.

Борматрёш коснулся апоплексическим перстом водянистой поверхности зеркала. Кривое, как посудомоечное ведро, зазеркалье оказало решительное противодействие щеголеватому денди. Он не приметил ничего особенного в своей неказистой наружности. Довольный убедительным техосмотром, Отшиб позволил накопленной энергии своего практического разума раствориться в пустоте, оставив его на грани клинического идиотизма. Затем усердный пахарь сделал фехтовальный выпад поэтичным лемехом языческой сохи, раскопав две сотни борозды, превращённой прошлогодним снегом в кучу мусора. Раскрепощённая межа расцвела бледными цветами радуги. А добрый молодец ушёл добровольцем в офицеры, чтобы понюхать любимый запах пороха.

Отшиб передвинул занесённую стопу на два миллиметра ближе к совершенно секретной пропасти, со дна которой пробивался свет замаскированного прожектора. Плоскостопая стопа поскользнулась и провалилась в бездну, но жутковатый лазутчик удержался от падения и, умело балансируя на одной ножке, спустился вниз по верёвочной лестнице. Он профессионально помолился, ожидая знака свыше. Твердокаменный идол, высеченный в скале, дрогнул и потрескался, словно от губительной экземы. Тогда альпинист обрезал конский волос, на котором держался в вертикальном положении памятник древнего зодчества. При падении статуи её тело рассыпалось в пух и прах. Но скалолаз сохранил себя в целостности от бритвенных осколков железобетонного монолита.

Борматрёш легко узнал чёрную пантеру по нескольким белым пятнам на хвосте. Он перекрестился двумя пальцами, как заядлый еретик, и свободной рукой погладил животное. Таким решительным поступком пастух хотел приручить зверюгу, чтобы спасти своё стадо от поголовного уничтожения. Ужасная статистика гласила, что каждые восемь секунд от зубов хищных животных погибают двести бульдогов, одна бабочка, тринадцать беркутов, пара орлов, двенадцать гиен и дюжина волков. Статистический учёт сочинил немало таких диаграмм, чтобы заполнить пустые страницы библиотечных книжек.

Когда моя любимая собака съела запас бутербродов, который я заготовил на зиму, мне и в голову не пришло, что это сделала именно она. Я дал ей кусочек колбаски, случайно обнаруженный у неё во рту, и мы отправились на поиски вора. Мои географиче-

ческие предрассудки подсказали, где искать украденную провизию. Я решил: это наверняка представители народа, попавшего на герб Новой Зеландии. Тем более, что я обнаружил несколько тысяч новозеландских долларов, подброшенных предполагаемыми похитителями в качестве компенсации. Этой суммы хватило на билеты до города Веллингтона для меня и моей любимой собаки. В Новой Зеландии она сразу же взяла след и вывела на лиц новозеландской национальности, окруживших нас у трапа самолёта. По их смущённым лицам было видно, что они испытывали негативное чувство к себе, как после совершения чего-то плохого. Я сделал вид, что ничего не замечаю, и открыл на главной улице Веллингтона контору по торговле съестными припасами. В стране была безработица, и поэтому предполагаемые мошенники на следующее утро явились наниматься ко мне на службу. Моя любимая собака оформляла необходимые бумаги. Первым документом, заполняемым для желающих трудоустроиться, стало чистосердечное признание. Я тщательно изучил все досье, но нигде не нашёл упоминания о краже бутербродов. Тогда я опять показал своей любимой собаке остатки уцелевшего сэндвича, она взяла след и повела меня в горы. Там был небольшой заводик по производству бутербродов именно такого образца, какие когда-то принадлежали мне. Я даже узнал свои среди миллиона других по своеобразной пятиугольной форме, которую придавал кусочку колбасы. Тут мы задумались, как незаметно вывезти наше добро из этой разбойничьей страны. Я завернул пакетик с провизией в кислотноустойчивую бумагу и дал проглотить своей верной подруге. Я нашёл укромный уголок в её душе между совестью, гордостью и любовью к хозяину, где сверток удобно поместился. Но на таможне у неё прошло всё нормально, потому что большая часть новозеландцев теперь была моими сотрудниками. Я научил их, как незаметно выносить бутерброды с консервного завода, открытого и торжественно нанесённого мною на карту природных ресурсов города Веллингтона. Когда мы вернулись домой, моя собака всё-таки призналась, что припасы похитила она и тайно переправила в Новую Зеландию. Но я так любил её, что все простил и позволил съесть привезённые бутерброды все до одного.

Черноок Стражблок закрепил густок ртути гипсовыми волосками. Полученный автопортрет он украсил своей плотью и кровью, чтобы усилить сходство. Эту вопиющую безвкусицу одарённый поэтическим даром живописец приколотил к пар-

кетному потолку крест-накрест, словно канцелярский пластырь. Художника бесило, что его пятки покрылись водорослями после морского круиза. Когда он покинул верфь и сошёл со ступеней в открытое море, к нему в кубрик залетел карась. Супрук не любил морских птиц и утопил карася, бросив животное в воду с отрезанными ножовкой плавниками. Безжалостный каннибализм был характерен для глупого экзекутора с сопливым дискантом, каким являлся он с беспристрастной точки зрения своих недоброжелателей.

Стражблок надел маску с устрашающим кляпом во рту и втихаря достал из кармана прорезиненную дубинку. Кляп в форме электрического чайника обладал способностью плевать кипятком, парализуя бездыханную мощь предварительно оглушённого врага. Боец обернул своё тело обоями для эффектной маскировки под интерьер антикварного особняка. Срок годности крепости вырос в тысячу раз от успешно проведённых фортификационных работ. А неприступность только возросла после реставрации потайного хода, как следует заминированного в духе позднего барокко. Проголодавшийся воин устроил скандальный дебош в буфете труднодоступного дзота, где его в очередной раз обнесли шампанским, приняв за бегемота с наскальной живописи.

Черноок пробил корсет бронированного панциря ударом кулака с благородной целью сделать себе хакари и достичь нирваны. Небольшой отрезок панциря разлетелся на куски, но закалённая тренировками сталь оставшихся доспехов случайно уцелела. Он сбросил с плеч бесполезную сталь и приставил пистолет к худосочному животу. Но ловкое движение позвоночного столба отклонило скорострельный натиск приклада, и бесполезные в ближнем бою пули упали на пол, не причинив брюшному прессу надлежащего вреда. Услужливые секунданты самурая набросились на него, чтобы помочь учителю обрести покой. Но разочарованный в смысле жизни аскет прикончил их левой ногой, приученной горьким опытом к мокрым делам. Показные слёзы выступили на вертлявом лице мастера при виде невинно убиенных боевых друзей.

Стражблок достал из черепной коробки репейник, проникший через естественное входное отверстие ушной раковины. Деятельный аферист соскоблил иголки и вставил обезвреженную гниль обратно в уши. Он слышать не желал артиллерийской канонады, выбивавшей удачными попаданиями почву из-под ног менее уверенных в себе людей. Небритый, как ночная бабочка, Супрук ходил вокруг да около эпицентров этих зловещих взры-

вов, пока спасатели не огрели его острейшим гарпуном по башке. Они превратили в котлету бесценное содержимое глубоких мыслей пациента, сохранив для общества груды вполне пригодных к повседневному труду скелетообразных мышц.

Владимир Сергеевич Цеппелин, внук знаменитого дирижабля, имел пристрастие ко всему немецкому. Одевшись в немецкий парашютный шёлк, он обсуждал с немецкими докерами особенности немецких танкеров. Своей профессией он выбрал область медицины, достающей практически с того света. Будучи совсем небольшим аэростатом, Володя раздувался до размеров деревенской ветряной мельницы образца 14 года. Используя встречные воздушные течения, он передвигался с чердака на чердак, с ветки на ветку, стреляя из волшебного револьвера по замороженным белкам, и те, оживая, падали прямо в деревянный ящик, вмонтированный на уровне внутренней стенки его живота. Цеппелин любил кормить белок белладонной, которую называл на русский манер «бесприданницей». У Владимира Сергеевича никогда не было проблем с финансами, потому что расплачивался он за всё прибалтийской валютой, изобретателем которой по праву являлся. Однажды немецкие докеры попросили защитить их право на жизнь от преступных охотников за людьми. Испугавшись схлестнуться с ним в открытом бою, браконьеры человеческих душ попрятались в леса. Владимир Сергеевич с помощью волшебного револьвера продырявил несколько сотен загруженных танкеров и, вызвав небольшую экологическую катастрофу, выманил мошенников из леса. Но перепачканных в нефтяных болотах киллеров уже невозможно было отличить от смуглых, нефтяного цвета докеров, на 90% состоявших из горюче-смазочных материалов. Находчивый Владимир Сергеевич предложил всем присутствующим рассчитаться на «первый-второй» и заявил, что расстреляет каждого первого, если обидчики докеров добровольно не выйдут из толпы. Добрые и честные докеры, испугавшись за жизнь своих родных, тут же бросились ему навстречу, а небольшая группа малодушных и жестокосердных киллеров осталась стоять в одиночестве, так неожиданно разоблачённая Володей, любившего время от времени применять хитроумные трюки из копилки царя Соломона. Но, подойдя поближе, наследник Цеппелинов обнаружил среди предполагаемых киллеров женщин и детей, которым просто не хватило мужества пойти на всеобщее самопожертвование. Не сумев одолеть бандитов хитростью и силой, граф Дирижабль

обратился за помощью к волшебному револьверу, стрелявшему резиновыми пулями. Эти пульки не могли пробить мозолистую кожу докеров, зато легко нарушали сердечно-сосудистую деятельность изнеженных и слабых киллеров, благополучно выводя её из строя. Но Владимир Сергеевич был не только знаменитый Цепелин, но и великий врач. Он легко привел в чувство и отстирал добела тела своих жертв, чтобы, наконец, предать их долгожданному суду Линча.

Антиболт Ухаб сравнил фигуру кучера с предварительным эскизом, поскольку проказник-возничий нёсся со средней скоростью ледяного байкальского ветра. Он вспомнил, что подсевший в пролётку кучер забыл показать ему документ и без жалоб выносил удары кнута. Ухаб, душевно травмированный повадками погонялы, строил самые мрачные прогнозы, пока у кучера не треснула портянка под лаптями. Потеряв шаткое равновесие, возничий в свободном падении распряг лошадей и распластался в потешной позе повреждённого автопилота. Но шестёрка гнедых унесла беднягу далеко за сорокаградусный поворот дороги, вследствие чего он навсегда покинул пределы личной досягаемости. Пассажир, осудив громогласно поведение ямщика и причинённые им беспорядки, самолично взялся за гуж и толкал тележку вручную. Правильно уложенная мостовая помогла путнику повернуть вспять и вернуться домой, ни разу не заблудившись на обочине.

Антиболт положил дырявую гайку от поварёшки в дупло молочного зуба, надеясь отыскать к ней когда-нибудь стыковочный винт. Хозяйственный домушник собственноручно разгадал головоломный секрет замочной скважины и отколол ящик с кухонной утварью от засаленного гардероба. Он похитил из ящика финский нож, незаменимый в восточных единоборствах. Скандинавский клинок в ближнем бою не давал осечки, а жертвы его безропотно терпели поножовщину, потому что не рассчитывали на милость победителя. Безгрешное алиби избавило бандита от пакостного ада угрызений совести, к тому же он укрылся от гнева Всевышнего в багажном отделении небольшого велосипеда.

Антиболт Ухаб завладел анонимными холстами с австрийской живописью. Он подумал, что любая рухлядь поможет ему свести концы с концами. Ухаб послушался папу с мамой и медвежьей хваткой уволок из квартиры коллекционные картины приукрашенной действительности. Импульсивный коллекционер выносил спрятанные в водовороте ванной рисунки поодиночке.

Он потратил немало тройничных нервов, отдав их за железнодорожный переезд через реку, которую в детстве преодолел вплавь за бесценок. Мошенник старался поспеть повсюду, невзирая на отсутствие твёрдых убеждений и пустое брюхо. Антиболт смыл остатки манны небесной со своей голодной хари. Отменная жратва упрямо текла по усам и в рот почти не попадала. Зато медицинская стеклотара, заготовленная предусмотрительным паломником, вся пропиталась божественным нектаром. Брезгливо вымыв загрязнённую посуду, свихнувшийся на лечебном голодании аскет продолжил путь. Ещё два праведника разделили его прискоробную участь на три одинаковые дольки.

У знаменитого бельгийского плотника Макса Шулера было тридцать дочерей. С их помощью он отомстил газетчикам, отравлявшим ему жизнь. Макс Шулер прославился тем, что изобрел новую модель гробов. Эта модель была снабжена специальным катапультирующим устройством и парашютом. Чтобы занудливые и вечно недовольные скептики, разочаровавшись в лучшем мире, всегда могли нажать кнопку и вернуться обратно. Газетчики считали Макса шарлатаном, потому что никто из его клиентов пока не дотронулся до волшебной кнопочки. Тогда величайший из гробостроителей подговорил своих дочерей выйти замуж за ехидных репортеров, дав за ними солидное приданое – спортивный велосипед. Теперь Макс выходил на прогулку в сопровождении эскорта велосипедистов. Когда они уставали, знаменитый изобретатель помогал им крутить педали. Но он бежал слишком быстро от одного клиента к другому, и репортёры не поспевали за ним. Поэтому они не могли поймать его с поличным, когда он жульнически, методом активно-пассивного гипноза, вгонял любопытных домохозяек в летаргический сон, который невозможно было отличить от подлинной смерти. В результате он заработал огромные деньги, похоронив почти всё население родного города, за исключением недоверчивых репортёров и их жён. В поисках новой клиентуры плотник Макс углубился в каменные джунгли древних мегаполисов Месопотамии. Газетчики устремились за ним на своих велосипедах, но их техника быстро ржавела и разваливалась, потому что экономные репортёры пользовались не специальными моющими средствами, а горячей водой из вредных или целебных источников, которые попадались на пути. Макс помогал им в починке велосипедов. Он даже усовершенствовал эти машины, заменив круглые колёса на восьмиугольные. Но

газетчики всё равно уставали крутить педали и сделали попытку избавиться от велосипедов. Но их верные жёны, агенты Макса, накрепко приковали им руки и ноги к этим бесперспективным средствам передвижения и зафиксировали руль строго на восток, чтобы исключить возможность возвращения для самых малодушных. Зато за время путешествия репортёры сумели сделать массу сенсационных снимков о необычных привычках Макса. Знаменитый плотник ссорился с прохожими, осквернял иноземные храмы, разрушал дворцы богатеев и неприхотливые жилища бедняков с помощью землетрясений, наводнений, грома и молнии. Когда народ пытался наказать злоумышленника, репортёры невольно мешали самым дерзким линчевателям, перегораживая автострады своими громоздкими велосипедами. Тогда взбешённые громилы набрасывались на несчастных спортсменов. Но ярость местных жителей постепенно стихала, и Макс Шулер возвращался к своей разгромленной свите из ближайшей страны, которую сделал необитаемой с помощью удачно спровоцированного лесного пожара. Старый плотник легко восстанавливал технические характеристики раздолбанных хулиганами велосипедов и приводил в чувство своих товарищей уколами чудодейственного папоротника, выращенного им на обочине. Обогнув земной шар по сложнейшей синусоиде, путешественники наконец вернулись на родину. И недоверчивые газетчики смогли убедиться в полезности и надёжности максова изобретения, потому что все его клиенты вернулись, приведя с того света целую толпу друзей и знакомых, не сумевших укорениться в лучшем мире из-за сварливого, злобного нрава или не нашедших там применения своим порочным наклонностям.

Сновагол Доброк натёр свинцовый каблук посоха стопроцентным клеем, чтобы палка не скользила на шероховатых уступах транспортной дороги. Головокружительный ходок передвигался не без помощи кресла-качалки на колёсиках. На левой ноге он носил гольфы, а на правой – гетры, чтобы легче было знакомиться с встречными попутчиками. Языкастая молва не мешала его острому, как пчелиные зубы, уму понимать с полуслова житейские слухи о возможных географических ориентациях. А слуховой аппарат исправно переводил эту чушь, погружая в тягостное состояние безучастного многоточия. Урчание в кончиках пальцев подсказало многоопытному страннику, что тревожные симптомы апоплексического Апокалипсиса не пройдут незамеченными для его тугодумной головы. Давка в толпе попутчиков продолжалась,

пока он лёгким движением неприсоединения не уклонился в противоположную сторону от своих мимолётных друзей.

Сновагол изолировал несмазанную телегу от сопровождавшего её скрипа. Потом замёл следы, оставленные колёсами в пропаханной брочкой борозде. Загримированная под мотоцикл двуколка везла на склад торговцев оружием урожай ядовитых грибов. Воспользовавшись численным преимуществом в колесах (он управлял миниатюрным поездом), Доброк догнал телегу и сразу же вычислил бледную поганку по указательному бантику на шляпке. Он заметил на поводьях пролётки грязное клеймо. Это был почтовый штамп отправителя зловещего груза, печально известного отравителя дистиллированной воды с целью её химической дисквалификации. Доброк проворно обмотал подвижные спицы пятого колеса телеги тормозными ремнями и взял её под уздцы.

Сновагол отнёс мавзолейную гортензию в паноптикум, на адаптацию. Он как в воду глядел. Впоследствии реанимированный бутон пожелтевшего цветочка вновь зазеленел и дал плодородные всходы. Доброк надел на проспиртованное запястье свежую онучу и набрал в рот полную ложку гарнира. Подгоревший бифштекс из печёнки ламинарии он брезгливо подложил псу под хвост, отделив от минеральной золы белковую мякоть. Зажав благодарным хвостом добычу, бродячая псина внедрилась в непроходимые заросли ближайшей секвойи. А её благодетель с икотой в голове убрался из неподходящего места – благоухание протекавшего мимо Енисея достигло критической точки, затопив его ноздри горьковатой от опреснения водой.

Сновагол Доброк позволил десятерым индейцам одолеть себя в честном бою. Одолеваемый хитрыми краснокожими, он с помощью рычага резко увеличил соотношение сил в свою пользу. Победённые каналы спустились вплавь по горному склону, используя русло водопада не по назначению. Небольшой водоворот на дне тоннеля погрузил их в вечную тьму, скрыв от любопытных глаз подозрительного единоборца. Сновагол беспечно отбросил рычаг под ноги. Земля содрогнулась, а дьявольский инструмент провалился в одну из бесчисленных трещин планетарной мантии. Запахло серой, селитрой и ещё какой-то гадостью. Одарённый механик узнал запах пороха, формулу которого хранил в груди с детских лет вместе с дыркой от длинноствольного ружья. Это соседская детвора решила поиграть в динамитные шашки, выбрав в качестве мишени одинокий силуэт постороннего наблюдателя.

Французский врач Артишок Колье запретил русскому императору Александру писать и рисовать. Александр Иванович не без основания подозревал своего лейб-медика в измене и, чтобы изобличить его, изобрёл ёмкость для измерения вранья. Когда Артишок Колье изрекал свои врачебные рекомендации, у него изо рта тонкой струйкой капала слюна, вступающая в химическую реакцию с ковром в тронном зале знаменитого Мариинского дворца. Александр Иванович, сердечно распрощавшись с хитрющим Колье, собственноручно выжимал ковёр ёмкостью в 3 тысячи галлонов. Если количество жидкости достигало 2999-ти галлонов 27 пинт и 3-х с половиной унций, это неопровержимо свидетельствовало, что знаменитый врач врал. И тогда император Саша бросался в свою уютную мастерскую и неистово предавался запрещённым ему рисованию и чистописанию. Он написал много прекрасных вещей (в том числе: «Записки о Камчатской войне», «Кодекс воинской жизни», «Некоторые эпизоды славной войны с чукчами» и др.), издавая их под псевдонимами восточно-славянских классиков Шевченко, Короленко, Кащенко и Макаренко. Кроме того, он рисовал на асфальте стольного города карикатуры на Артишока Колье и других французских медицинских светил, ужасно обоглённых его творчеством. Артишок Колье очень стеснялся непроизвольного слюновыделения во время бесед с императором. Но ничего не мог поделать с собой, когда выговаривал многосложные русские слова. Древнелатинский, гречь и суахили не вызвали у него таких унижительных затруднений. Он действительно лгал, говоря, что императору вредно заниматься изящными искусствами, но не из завистливо-свокорыстных, а педагогически-просветительских побуждений. Артишок надеялся, что царь, изучив по его совету основы древнегреческого языка, сможет договориться о вечном мире со своими могущественными соседями. Это произойдёт, когда, избавившись от литературно-живописных пристрастий, исполненных ненависти к ксенофобии, Александр наконец обратит своё внимание на изучение памятников древней письменности чужих народов, полюбит их историю и культуру и перестанет посылать казаков на их усмирение. Чтобы обмануть царя, Артишок Колье, по совету друзей, отпустил седую бороду длиною в тысячу футов и весом в 10 тысяч фунтов, что позволяло ей вмещать 3 тысячи галлонов слюны, вызываемой речами на плохом произносимом русском. Император Саша тщательно отжал ковёр из Мариинского дворца после очередной врачебной консультации и получил целых 5 тысяч галлонов, 28 пинт и сорок унций про-

зрачной жидкости, по ошибке приписав её словесной невоздержанности предателя-врача. Но это были всего лишь слёзы иноземных принцесс, которыми Саша жесткого пренебрегал под лживым предложением нехватки свободного времени, будто бы посвящённого изучению трактатов о любви, написанных на непонятной древнегреческой. В конце концов Артишок Колье, разочаровавшись в мирных методах лечения, приступил к принудительному. Применяя электрошок и мануальную терапию, именуемую в просторечии рукоприкладством, он заставил Сашу позабыть все русские слова и говорить на древнегреческой. А также вы зубрить наизусть имена четырёх миллиардов иностранных принцесс, здоровье которых неизлечимо пострадало по причине халатности и преступного безразличия шовинистически настроенного императора.

Архиписк Брентел достал из жестянки калькулятора римскую цифру три. Намочил брюшное сухожилие и трижды обмотал мышцу живота вокруг позвонков грудины. Такая производственная гимнастика служила для уничтожения грандиозных вирусов инфаркта. Находчивый математик пристроился к шеренге аристократов, промышлявших народной медициной, но сварливые джентльмены быстро извлекли его из своей партийной ячейки. Эти дикари не смогли простить ему стиля «ампир», рекламой которого Брентел украсил все воротнички фешенебельной по моде гимнастерки. Более часа он убеждал их несколькими словами удостоить его каким-нибудь почетным титулом или застрелить в знак окончательного искоренения с лица земли. Но шеренга взобралась на косогор и, как снежная лавина, растворилась в воздухе.

Архиписк разрезал археологического поросёнка под углом в девяносто шесть градусов, чтобы найти у него в копытах следы жертвенных колосьев. Посмотрев сквозь розовые очки на образовавшуюся выемку, учёный саркастически поежился. Его миловидная квадратная рожа скривилась в шестиугольную гримасу. Дистрофически обглоданный античными волками поросёнок всё ещё подавал признаки жизни и сигналы «сос». Научный работник вынул букашку из левого уха и помолится. Поросёнок заплакал и пришёл в себя. Хулиганствующий Брентел долго ещё врачевал благодарную свинью, дрессируя её дыхательные свойства.

Архиписк услышал трели разливавшейся соловьем канарейки в грузовом отсеке пассажирского лифта. Но это была обманчивая видимость слухового миража. Он спутал жалобный

писк перетёршихся канатов грузоподъемника с мелодичными руладами технически исправной динамо-машины. Дорогостоящий лифт разбился вдребезги о ступеньки подвальных этажей, в то время как Божья рука оборонительных рефлексов подтолкнула осторожного посетителя пойти пешком на самый верх небоскреба. Оттуда он без опаски рассмотрел мимические судороги агонизирующего человековоза. Брентел был единственным пассажиром недостроенного лифта, масса которого в сочетании с силой тяготения и послужила причиной аварии.

Архиписк для храбрости укусил ядовитого паука за длинный хвост. Укус этой твари повышал количество тестостерона в крови, позволяя бело-красным шарикам не свертываться в опасные моменты околечения. Догадливый энтомолог накинул на пойманное животное сачок, но неуловимый зверь отбросил устаревший хвост и трусливо убежал, раздвигая половые доски тренированными щупальцами. Содрогнувшийся пол покрылся плёнкой изморози, не выдержав давления сорока четырёх лап сороконожки. Погрустневший Брентел позвал на помощь соседей. Но безмозглая рептилия, громогласно вереща от страха, как сквозь землю провалилась, укравшись в бетонных складках ближайшей Триумфальной арки.

Водоворот Клюка подышал во флакон с воланом, перед тем, как закрыть его на засов, надеясь, что мякина вытеснит ртуть и волан не загустеет.

Потом неосторожно распахнул бронированные окна автомобиля. Ниже пояса пролетела пуля, прошла через левый глаз в правый, и, недовольно пожужжав, улетела. Глаза оказались тоже пуленепробиваемыми, и вышло, что она вроде напрасно старалась. Клюка расслабился и откинулся в кресле, наблюдая за разнообразием красок на водопроводном кладбище, мимо которого проезжал. Оно было только что построено и ещё не заселено ржавыми трубами и прогнившим до дрожки обручем. Неуязвимый водитель направился на встречу с Очерком Мичиганом, чтобы вручить ему фигу с маслом. Так на жаргоне инсургентов назывался билет в волшебный край, в котором неслись заповедные куры, благословенные агнцы и младые дни изобретателя безопасной висилицы Аспекта Аспида. Пассажирская внутренность автомашины наполнилась стрекотом лазерных лучей. Они исчертили дорогу обивку оконных стекол очень плохими словами, а шофёра отсекали от руля и бросили в проемы вентиляторов на заднем

сиденье. Роскошное средство передвижения увеличило скорость и унесло седока в заоблачные выси. Очерк Мичиган заметил, что с другом не всё в порядке лишь тогда, когда подсчитал количество лазерных разрезов на его теле с точностью до второго знака после запятой. Драгоценный билет исчез. Водоворот Клюка смазал авторитетным кремом южное и восточное окончания своего необъятного тела. Оно гальванически задёргалось и пришло в себя. «Где, блин, билет?» – слегка робея, спросил его друг. «Обойдёмся без бюрократических формальностей», – грубо гримасничая из-за мелких порезов на лицевой губе, промямлил Водоворот. Они стояли у густо перепаханной сапёрами границы заповедного края, и своими жгучими ноздрями ощущали аритмичный и несбалансированный шум кроваво-кисельных рек, штурмовавших бледномолочные берега. Аспект Аспид с гиперболоидом в руке поклялся родным курам и овцам уберечь их от злодейских браконьеров. Его яхта стояла рядом. Аспект считал, что для творческого процесса нет ничего хуже, чем видеть из окна людей одного и того же рода. И выборочный оконный контроль попеременно показывал ему то мужчин с натруженными работой мозолистыми носами, то женщин, легкомысленно вращавших чугунные гантели.

Сойдя с яхты, он узрел сразу двух человек, неразличимо похожих друг на друга и сильно удивился. «Мы хотим попасть в свою заповедную страну», – покраснев, озвучил себя Водоворот Клюка. Очерк Мичиган, знаток коридоров власти и шахматный сторож диагоналей, дубинообразно промолчал. Но героическое поощрение, полученное на войне с летающими шприцами, заставило его мужественно сделать шаг назад, за широкую спину своего компаньона. Аспект Аспид умелым рикошетом лазерного луча от солнечного диска достал браконьера выстрелом в спину. Но профессиональный мошенник был уязвим только в левую пятку, куда в целях безопасности ввинчивалась нейтронная бомба. Нейтрон загорелся, и процесс горения вышел из-под контроля на целых 14 с половиной секунды. За это горячее время заповедная страна превратилась в парное заведение, полезное лишь при дисфункции почек и нейроциркуляторной дистонии. «Зато теперь вы можете пройти без билета», – утешил огорчённых паломников Аспект Аспид.

Безбалон Аук перемотал стрелку дорогостоящего калькулятора. И сосчитал количество слонов, чтобы скорее заснуть. Полученная нечётная цифра растревожила его наследственный недуг

– паралич. Чтобы стряхнуть болезненное оцепенение, Безбалон вышел прогуляться в подвал родного дома, где хранил мощи своей жены-великомученицы. Аук терпеть не мог химические элементы, чей атомный вес ему был заранее неизвестен. Поэтому он быстренько ликвидировал утечку мозгов, в раздражении покидавших бесталанную башку. Чтобы сгладить неловкое положение, лунатик поднялся из подвала в погреб. В этом отгороженном от белого света местечке, его пульс наконец затикал под действием воспалительного переохлаждения в ритме вековечного сна.

Аук наступил на бутерброд, свалившийся по счастливой случайности маслом вверх. Скользкий сэндвич намертво прилип к его великовозрастной подошве. У всех на устах были крошки хлеба, и оставшийся без диетического питания Безбалон с жадностью их вылизал. Так он излечился от коварной голодухи и прожил ещё много лет. Ушат холодной воды, вовремя вылитый за шиворот бедняги, не раз спасал его от жажды в конфликтной ситуации. Несчастный плохо переносил уголовную ответственность и не любил сидеть в тюрьме. Поэтому опаснейший мошенник связал себя резиновым кляпом, чтобы сохранить биографию и не стать жертвой собственных бредовых идей.

Безбалон убрал железобетонную ступеньку, мешавшую переминаясь с ноги на ногу. Жестковатая лестница препятствовала тренировке затёкших членов утренней гимнастикой. Из соображений сострадания, он, не поморщившись, отмыл добела грязную уличную собаку, перечень содеянного которой не влезал ни в одну подворотню. Нравственность Безбалона была надёжной цитоплазмы и с неуклонной бдительностью перерабатывала аморальные мечты в полноценные этические нормы. Но душа его на первый взгляд казалась чернее самой серой тучи в сумрачное время года. Когда оконные ставни запирают сразу на четыре оборота ключа, чтобы хрупкие стекла меньше пропускали дождевую воду. А шерсть вышеупомянутого пса так почернела от чёрных дел, что даже после пятнадцати ледяных ванн сохранила грязноватый, каменноугольный оттенок. К всеобщему счастью, одичавшее животное нашло себе подходящую пару в лице крайне криминального хозяина, уличного хулигана.

Аук похитил у станционного смотрителя его любимую шестистволку. Смотритель сбросил лишний вес и погнался за вооружённым мародёром. Беглец по распространённости живописных лужаек сделал вывод, что ловушка для слонов где-то совсем близко. Он провалился в неё, как чертик в табакерку. Яркие красные шипы плодового шиповника прорыли насквозь

тонкую кожу мощнейшей мускулатуры и застряли, не в силах продвинуться дальше ни на шаг. Отрава иголок была рассчитана примерно на двенадцать жертв в день, но на него не подействовала. Предусмотрительный хитрец перед вечерним сном досчитал до четырёх миллиардов слонов, увеличив свой иммунитет как раз до этой цифры. Вскоре смотритель с верным псом окружили километровую яму-приманку. Но похититель шестистволки был уже далеко и оказал им достойное сопротивление, прежде чем сдаться на милость Божью.

Осинник Неуд, выйдя в дамской рубашке на балкон своего заморского дворца, сказал: «Прекрасное место! Вот если бы перед окнами протекал кипяток!» Его верные друзья Лень Митинг и Корешок Таран тут же устроили самую ожесточённую охоту за кипятком. Сначала они сделали промышленный взнос в атмосферу, и танзанийские гепарды посыпались с неба, отфыркивая огненно-зелёную лаву. Но лава скорее обугливалась, чем ошпаривала, и вскоре дворец Неуда превратился в симпатичные руины. Разочарованный Осинник пожаловался, что в одной южноамериканской стране есть тюрьмы с магазинами, ресторанами, кабаре и казино. Туда он и послал своих бездарных друзей, высадив в нескольких кабельтовых от тюремной решётки.

А сам уплыл на поиски желанного кипятка. Лень Митинг не умел плавать, а считать мог не только на пальцах, но и с помощью цифр. Он насчитал около миллиона звёздочек на пальто и на платке. Сквозных, вырезных, а возьмёшь – вода в руке. А потом схватился за автомобильную канистру, чтобы не пойти ко дну. На нём брань не висла, и плыл он пока не заметил глаза напротив. Эти глаза принадлежали Корешку Тарану, герметичное тело которого всё-таки пропускало воду. Посовещавшись, друзья решили достичь конечной цели любого плавания – аудиенции с сухопутными личностями. По дороге на пловцов напали морские козлы и, слегка поиграв с ними в прятки, свернули свою ауру на самое дно.

Двадцать лет спустя Осинник Неуд съел на завтрак обычный буржуинский плод и в ходе дальнейшей ревизии выявил нехватку денег в кассе. Он отправил запрос в Колумбийскую тюрьму, где должны были гореть в вечном огне его героические друзья. Но все тамошние радистки-пианистки ушли со своей секретной службы на уборку урожая антропоморфина, заменявшего в этой стране

алкоголь, религию и Олимпийские игры. То есть вполне справлявшегося со своей функцией «опиума для народа».

Осинник Неуд прочитал финал христианской молитвы и обнаружил душевную боль в квадратах накладных сердечек цилиндра. Он снял цилиндр, но тоска не унималась, – это его друзья Лень Митинг и Корешок Таран вклеили ему свои фотографии по первое число каждого весеннего месяца. Неуд отодрал снимки от посиневшей коры спинного мозга и рассовал по карманам. Он осмотрелся: хинди – говорящие птицы – улетели, а покров футбольного поля завял. Сахарный раствор в стакане горчиц, а органы нападения домашних насекомых выросли в 17 раз, и вместо бодрящего покаявания Осинник ощутил щекотку ядовитых инъекций. Бедняга прочёл статью в газете о важной роли обуви в жизни девушки, но и эта последняя модификация не смогла сорвать заговор молчания вокруг него.

Через три с половиной секунды Лень Митинг и Корешок Таран выбрались на сухопутный берег, застеклённый оконным прикрытием. Двадцать лет они не пользовались ни мылом, ни шампунем, ни дезодорантами, считая всё это сплошной химией, по сравнению с целебной морской водой. Разбив пару стёкол, друзья заметили, что вода в рыбацких хижинах повышает свою температуру и закипая, льётся им прямо в ладони. Целое месторождение кипятка обрушилось на геологов, когда те очистили деревню от водонепроницаемых стекол. Маленькие собачки окружили путников тесным кольцом, чтобы они случайно не ошпарились. А большие охотничьи собаки перегоняли кипящую воду к месту жительства Осинника Неуда. Осинник Неуд сел на пенек и вытащил из кармана фотографии кипятка, плавно обтекавшего высокохудожественные руины его дворца, оглянулся и зачерпнул вставной челюстью пару глотков любимого напитка.

Безбалон Аук получил тактический сталактит из подошвы акселератора. Гремучее соединение намокло в своей герметической половине и деликатно растворилось под ударами молотка. Ударник уничтожил кровавые следы магнетических опытов, старательно вырубая их на корню инфантильной брызгалкой. По-бизнесменски эмоциональный юноша столкнулся со столбом беспроволочной электросвязи. Механический контакт с хитиновым каркасом уличного радиоприбора травмировал увесистые, как телескопическая винтовка, кости отрока. Он вдохнул пару литров чистейшего кислорода и перешёл с земной поверхно-

сти на судейские трибуны, неплотно затворив створки ворот на дверную щеколду. На боксёрском ринге состязались два десятка профессионалов-ветеранов с тремя дюжинами начинающих любителей. Мнительные, как олухи царя небесного, судьи уже сделали ставки между собой один к одному, заранее наградив ничьей талантливых победителей.

Аук выдал в водонапорный эфир безотказную латынь. Небесная механика эфира заскрипела и застопорилась от его классических благозвучий. Краснобай, не договорившись с небесами, разделил всемирный горизонт на семьдесят восемь неодинаковых частей и двинулся на восток, где помещалось больше всего градусов. Геодезический плюмаж головного убора, вращаясь автомобильным флюгером, указывал ему верное, как весенний разлив, направление. Наученный горьким опытом, путник регулярно совал голову в львиную пасть, которую постоянно носил с собою, благоразумно вырвав клыки. Звериные челюсти укрывала беднягу от непогоды и баллистической экспертизы, когда верный кольт попадал пальцем в небо, выходя из-под контроля в момент контрольного выстрела.

Безбалон разведал, что гамма-лучи замочили его лучшего друга, когда окружённый врагами с ног до головы, тот взорвал на себе часы с радиоактивной секундной стрелкой. Безбалон торопливо сложил чемоданы с ядовитой микстурой в изголовье срочно мобилизованной двуколки. Умело раскручивая вожжи своей колымаги, он стягивал удавку на лошадиной шее. Подневольная кобыла переставляла копыта, как бывалая кляча. Ушлый возничий подливал в дырявое корыто с водой первоклассный бензин – для скорости. Заметив на экспериментальной остановке, что усталое животное спит стоя, мирно пережевывая уютный сеновал, шокированный всадник пошёл дальше пешком, как настоящий главарь. Вооружённым глазом он легко различил одиноко стоящего в поле воина, узнав его по трофейным часам своего покойного приятеля. Мститель, недолго думая сообразил, что цель близка и бросился в погоню походными шагами, чтобы не затоптать следы валявшегося на привале грабителя. Бензбалон в течение сорока лет так и не научился говорить по-нашему. Поэтому он молча проглотил обиду и снял с поверженного обидчика довольно плебейские ботфорты.

Деликатес Жуйфикс снял военно-пленный френч и мантию величия. И по-весеннему оглянулся на итог своей тяжёлой

жизни. Она весила 11 кг, имела длину 60 см и стенки в 6 каратов толщиной. В общем, не маленькая, но аленькая, профессионально узловатая и шероховатая, как шерсть мусороносного долгопряда. К Жуйфиксу подошёл в раздувающейся от холода одежде криминальный друган, драгун в отставке, Смокинг Сейф и подвёл к обрывистому берегу полевой кухни. Включил сверлильный механизм экспоната и получил аванс на двоих. Оба параболоида со вкусом позавтракали, поскольку были застрахованы на приличную сумму и не боялись отравиться. Подсевшие на диету друзья ограничились электрическим угрём и двумя розетками. Пустив по кругу самокрутку из чистейшего самоварного золота 43-й по олимпийскому счёту пробы, они надумали нанести визит неплатежеспособному должнику, Залогу Модусу, чтобы сделать его платежеспособным. Жуйфикс с товарищем иногда не брезговали благотворительностью. Их вертикально-горизонтальный приезд стал для Модуса пренеприятнейшим известием. Залог подстрелил недавно журавля вместо обыкновенной синицы и опасался законной мести или хотя бы небесного возмездия. Оно немедленно материализовалось в образе устрашающе прикинутых балбесов – Жуйфикса Деликатеса и Сейф-Смокинга в орденоносных бляхах. По совету эрудированного в таких вопросах Кондратия Мильтиада, Залог Модус составил опись соборов, которыми мог безнаказанно пожертвовать. Жуйфикс удовольствовался конфискацией двухсот соборов и трёхсот соборователей к ним на случай, если патронные механизмы заклинят чьи-то невидимые миру слезы легкомысленный Модус. Залог примирился с неизбежностью и принял двух горлодёров в приёмной для самых интимных и заслуженных знакомых. Старинная рука здорового лакея схватила обоих гостей за одну шею и выбросила вон. Жуйфикс охарактеризовал поступок Модуса как совершенно забубённый для такого червивого валета. Сейф-Смокинг предложил упрятать негодя в тёплое местечко под землёй, подальше от монаршего гнева. Пока они успешно спорили, Залог Модус укрылся за электромагнитными волнами солнечного света, существование которых было теоретически доказано в уравнениях Джеймса Максвелла, а экспериментально подтверждено пострадавшим от этих безжалостных лучей Жуйфикс-Деликатесом.

Сновагол Доброк схлопотал питательный клубничный завтрак, вовремя нажав на спусковой крючок. Пуля пробила корешок клубничной клумбы, и сладчайшее ассорти опрокинулось на

его буйну голову. Гурман чавкнул раскосыми губами и стряхнул калорийное конфетти в ближайшую глухомань. Раздражительный едок оставил случайным сотрапезникам – грифам и койотам – девяносто девять процентов подстреленной добычи. Он был тёртым калачом, выдавшим самые невероятные виды, и без страха посмотрел на маячившую в стороне папиросу из драгоценного египтянского папируса. Папирус горел меркнувшим ровным пламенем, как бензобак у новенького форда, словно намекая на недолговечность предстоящего пути. Немного поколдовав для храбрости, странник повернул к нему задом и пошёл своей дорогой, как последний болван.

Сновагол напал на форт «Сопля Ветерана» с потрясающей целью свергнуть иноземное иго. Опытный нападающий бесследно прошёл через все неприятности, включая потерю аккредитива с правом выдачи запасной обоймы для заточки холодного оружия. Личный врач предупредил пациента, что благодаря своим выдающимся размерам его сердце легко сможет стать мишенью для снарядов и бомб, убийственных, как яд смертоносной гадюки. Но Сновагол по эллиптической орбите обогнул орудийную крепость осаждающей петлей, мертвецки затянув её в самом центре железобетонной ограды. Линчующая направо и налево верёвка так напугала защитников, что те скопом попадали в обморок с многоэтажных стен. Прямоком в мутноватый ров, где резвились щуки и крокодилы. Но прохладная вода их немножко отрезвила, а прирученные земноводные помогли выбраться из чистейшего аквариума на сушу и безбоязненно скрыться.

Сновагол взялся мокрыми руками за золотушное мыло и тут же заразился. Без промедления отвязав оглоблю пастушьего посоха от парнокопытных свиней, он, по-апостольски быстро, собрался в дорогу за противоядием. Заботливый овцевод оставил стеречь беззащитное стадо вероломных волков, способных разбежаться в любую минуту. На поиски более аппетитной говядины или медвежатины. Впрочем, анатомически сложенный Сновагол мог помериться силою с медведем. Но никогда этого не делал, опасаясь острых медвежьих глаз, видевших насквозь все слаборазвитые части его организма. В общем, он, порывистый, как херувим, трусливо миновал Канарские острова, где гнездились в атлантических засадах тоскующие по людоедской пище хищники. По-черепашьи светливый путник любил пускать пыль в глаза прохожим из специальной плевательницы, заострённой на манер духового ружья. Спасительное противоядие действовало с регулярной задержкой в девяносто лет, но раздобыть его было не очень сложно. Надо было

всего лишь извлечь вакцину из летающей тарелки с недоеденной клубникой, когда её бросают в окно после обильного завтрака. Сообразительные потерпевшие вычислили туповатый угол падения с помощью штанги с циркулем. И уселись ждать очередного завтрака под окном, на крылечке, расколотом ударом грома ровно на двенадцать ступенек. Первая же летающая тарелка разбилась, потому что в ней завелась порча из-за пакостного земного притяжения. Но клубничный салат в осколках остался целым и невредимым.

Контрачик (с) Стендап срезал с полупроводниковой радиоточки ботву и услышал звон корабельного колокола. «Он звонит не по тебе», – успокоил его опальный данцигский диктор Лайм Ворз. Стендап приклеил лобную прядь к надбровным дугам, чтобы они не слишком раздвигались от ванили. Ваниль шла от Английского клуба, подло подождённого раскалившейся грелкой из гардероба.

Лайм Ворз продолжил свой интересный комментарий к проблемам радиолобителей, о которых, к сожалению, не имел ни малейшего понятия.

Бумеранг радиоволн срикошетил совсем в другую сторону, а именно, в яблочко Балатон Вглаздама. Повреждённое офсетом яблоко пришлось выкинуть. Балатон собирался его сварить, но узнал из радиопередачи, что яблоки чувствуют боль, когда их кипятят живьём. Однако, если вымочить их в солёной воде, они, обезболиваясь, дают хороший урожай.

Балатон Вглаздам разделил своё имущество поровну между футболистами любимой команды, и побегал мстить за погибшее яблочко. Он использовал истинно бандитскую тактику: совершал ошибки, верил в судьбу и трижды возвращался на одно и то же место. И, конечно, Лайм Ворз никак не мог избежать встречи с этим Буриданом. Огнестрельная россыпь всеобъемлющих взглядов мешала чужой мысли заполнить пробелы в радиокапюшоне Ворза. Тогда методом пластической хирургии Лайм ввёл чужую мысль в широкую длань своих карманов, содержимое которых выкатилось и забегало у него по спине. Естественно, радиопередачи из Данцига временно прекратились. Контрачик (с) Стендап слез с информационной иглы, и у него началась ломка трёхстворчатых моллюсков, незаконно захвативших власть в левой ноге. Так, по-женски прихрамывая, Контрачикс эволюционировал на поиски замутнявшего чистейшей воды эфир грязнули-диктора. Коварное

такси тащило его за собой на слишком коротком поводке, отравляя выхлопными газами. Расплачиваясь, Стендап уронил валун с холма, и нарциссически запечатлённый в камне водитель не успел дать ему сдачу из драгоценных полуметаллов. Контраччикс завернул за данцигский угол и осознал необходимость в виде Балатон Вглаздама, скатившимся ему под ноги со всё ещё тёплым газоном в руках. Упавшего недоступно преследовал окосевший от саботажа диктор, выбравший мстительного посетителя себе на пробу, последней жертвой. Вглаздам поймал радиовещателя на враках, когда тот, начав говорить на излюбленную тему, назвал налётчика залётчиком, а Золушку – полушкой. Но мужеподобная власть Ворза над публикой отвергла чёрт знает какое учение, с помощью которого Балатон надеялся одолеть зловещего Лайма. Покорённый Вглаздам в качестве сувенира выпросил два однокоренных зуба своего кумира и носовую перегородку его знаменитого шнобеля. Все эти дары волхвов он завернул в газон, мирно храпевший у крыльца, и, оставив позади себя задворки этой истории, мемориально смылся. Если бы не случайный визитёр и радиослушатель Контрачик (с) Стендап, поставивший подножку убежавшему гаду. Вглаздам, рассмеявшись неприлично громко, сумел подняться и пронумеровать все дома в Данциге, чтобы облегчить жизнь полицейским. В дальнейшем он перехватил Лаймворовский вертолёт, шедший на посадку с санкции прокурора, и благополучно экстрадировал себя за пределы города.

Борматрёш Отшиб замахнулся отшельническим кадиллом на пергаментную квитанцию. Пара стаканов ладана пролилась на ценную бумажку, оставив водяные знаки. Так знаменитый фальшивомонетчик фабриковал недостающую наличность. Недавно он стал неграмотным, позабыв две первые и две последние буквы славянской азбуки, из которой он вытряхивал пергаменты для своих криминогенных ассигнаций. Проголодавшись, Отшиб съел обычную порцию манны небесной, чтобы снизить уровень бродившего в крови холестерина. Затем самокритично включив пассажирский счётчик в личном таксомоторе, выехал на обочину трофейного шоссе, чтобы немного поразмять старые кости быстрой ездой. Консервативный водитель взял в дорогу консервированных журавлей, на счастье, если вдруг в карманах кончатся патроны, а в бесчисленных пробирках тёплая вода для питья.

Борматрёш пробежал несколько меридианов континентальной суши и решил профессионально отдохнуть от бдитель-

ных погонщиков. Лживые гонители подозревали его в отбеливании пожелтевшего белья с целью похищения. На досуге он срезал нитку бесценного стекловолокна, когда бил стекла, царапавшие шины его походного грузовика с ультразвуком. Визгливый ультразвук восстанавливал жизненные силы бегуна аппетитным утробным урчанием. В конечном счёте, Отшиб скинул соболя в почерневшей от засухи бухточке уютного океанского фьорда в надежде, что пойдёт скороспелый дождь и приблизит часы прилива. Безоблачно настроенный беглец прослыл в родной деревне лучшим заклинателем дождя. Когда, в сенокос, он соскребал копну сена со своей толстолобой башки, стоя по колено в колодезной воде, затоплившей в страдную пору деревенские оглобли.

Борматрёш, сменив гнев на милость, с жизнерадостным ажиотажем нанёс сто девятнадцатую насечку на костлявую поперечину ноздреватого пенсне. Метки означали количество промахов у неутомимого киллера. Промазав сто восемнадцать раз, злопамятный снайпер сбился со счёту и в дальнейшем фиксировал только самые громкие выстрелы. Умудрившись в течение дня совсем зачахнуть без добычи, умиротворенный Отшиб уселся на живописные развалины мишени, покалеченной и превращённой в руины пушечными ядрами. Ядра скатывались с крутого склона в пологую ложбину, куда предусмотрительный артиллерист поставил мишень.

Благогор Алголь как-то он нашёл в голове суперартерию, открывшую перед ним доверчивые горизонты. Посыпав психические шестерёнки самым горьковатым на вкус порошком, Алголь смягчил своевременный удар судьбы. Этот удар нанёс ему Лездь Жбан, сверхточно запустив пепельницей в Благогорову соображалку. Алголь казнил своих подданных, если они являлись к нему без первого предупреждения. На остальные предупреждения, требования и даже уговоры ему было начхать. Поэтому, отцепив ушибленную чёлку от своего высоколбия, он прижал к нему непрошенного гостя. Лездь Жбан затянул шейный платок потуже, чтобы петля в своей гипотенузе не превышала сумму квадратов отрезанных по моде рукавов. Мифическое тщеславие чуть не погубило Жбана, но, не найдя любезных его сердцу рукавчиков, Алголь брезгливо отшвырнул от себя приговорённого и продлил ему жизнь ровно на 142 секунды. Пока привлечённый на шум неминуемой схватки Лазенбрюк Струя, англоязычно отсчитывал время, адреналиновое состояние Лездь Жбана сменилось новокаиновым.

Новокаин дал ему понюхать гостеприимный Алголь, страшась обвинений в скудоумной наглости, бесстыдстве или грубой откровенности. Лазенбрюк, досчитав до ста сорока одного с четвертью, сбился со счёта и аварийно размахнулся, чтобы перевести дух в более щадящий режим работы. Лездь Жбан, сменив устаревшую модель поведения на более современную ситуации, скромно ушёл в направлении Лаоса и европейской части Турции, где его скорейшей помощи ожидали очень милые люди, беспомощные, но самонадеянные аферисты. Мироззрение Алголя похитило мимолётное сумасшествие, и он кинулся вдогонку за ушедшим путником. Лазенбрюк руководил его лихорадочными движениями, сигнализируя флажками, компасом и секундомером по контурным картам, цитируя их наизусть. Благотор стартовал, финишировал в разных точках земного шара, и поэтому его путь составил некоторый маршрут. К тому же он всё время грёб под себя, и этот стиль позволял держать голову высоко над водой и ориентироваться по Северному сиянию. Он разменял последнее шило на мыло, чтобы поскользнувшись на нём, двигаться дальше по инерции. Инерция приблизила его к цели, и вскоре Алголь увидел свод в форме альтернативного полушария. Лазенбрюк, неизменный спутник и друг, показал циркулем, где находится передовая огневая позиция Лездь Жбана. Отступить тому было некуда. Ведь земля круглая и скользкая, и с неё так легко скатиться на самое дно мирового пространства. А там – скопления всяких пентагонов, жующих свои автострады и всех, кто к ним попадает.

Лездь Жбан вызубрил воинский клич на кириллице, и не смог провозгласить его достаточно звонко. И Лазенбрюк, не услышав, провёл Благотора мимо, не заметив противника. Тогда поражённый в самое сердце Лездь Жбан догнал неразлучных друзей и попросил принять его в их утомлённую солнцем игру. Струя был мастером всяческих согласований. Но Алголь поставил и выполнил условие – восстановить нарушенное доверие, прежде чем пуститься в рискованное путешествие втроём. Ведь из него обычно возвращаются впятером (считая за двоих награбленную добычу).

Архиписк Brentel расписал мешковатую клеть прихожей весёлыми картинками. Затем босоногий пастырь перевернул горшок с подсолнухом, чтобы его центр тяжести не бросался в глаза. Выйдя на гумно, Архиписк добил домашнюю цаплю поленницей дров, прежде чем она дала ему сдачи длинноклювой челюстью.

Часом позже Брентел извлёк дюжину эмбрионов из зародыша дождевого червя, чтобы замаскировать их под пятна от глицерина. Великодушный микробиолог попытался таким образом спасти редкое насекомое от вымирания. Чёрная магия великолепного колдуна увенчалась поразительным успехом. Его прародители на небесах от радости станцевали белый танец почётного караула.

Архиписк держал язык за зубами, пока он не выскользнул в широкий проём между тридцать вторым и тридцать третьим резцами. От невероятного удивления юнец вырвал из коврика в прихожей зазевавшийся сорняк и пересадил его на дно морское, предварительно нырнув с утёса как можно дальше в глубокие волны прибоя. Сохранивший лирическую верность криминальным обрядам, ныряльщик нокаутировал мелкую рыбешку. Чудак не любил земноводных за то, что в их жилах текла кровь диких неприручённых зверей, а он питал слабость к домашней птице. В самый неподходящий момент пловец вынырнул, чтобы стать жертвой давнего тайфуна, занесённого вечерним бризом из зланных мест нордического Севера.

Архиписк Брентел отстирал глазированные вмятины от чёрного нагара, оставленного вреднющим свечным излучением. Вмятины разгладились и стали, как новенькие. Выкурив пару трубок ладана, как настоящий дикарь, чистюля купил несколько недорогих капуцинов в цветочном бараке, чтобы составить гербарий на сон грядущий. Под половыми досками его высокогорной горницы прятались отшельники-анахореты с фантастическим стажем работы. Подпольные домушники покорились жестокой необходимости выбора между прямой и кривой дорожками низкосортного асфальта, украшавшими липучую лепнину потолка во внутреннем школьном двореке жилого особняка. Обе дорожки унести не было времени из-за лавинообразного эффекта потолочных балок, предательски треснувших от случайного удара пилой. Неуловимые, как сиамские близнецы, посредники между скупщиками краденого и богатыми чужими интерьерами скрылись без зазрения совести. Но Архиписк Брентел на досуге сохранил отпечатки их неуклюжих лаптей. Преступники затаились в пригородных джунглях, подозревая друг дружку в бесчестии, поскольку искомый асфальт начисто пропал в суматохе трусливого бегства. Горемыки вернулись к месту преступления и нашли вещицу под рухнувшей стропилой проходного дворака. Но скуповатый, словно стадо слонов, домовладелец запретил им уносить свой хлам дальше, чем на триста километров от родного очага.

Прирученный слон романтичнее влюбленной пиявки. Зато акула, если по-настоящему увлечётся кем-то, сочетает в себе надёжность первого животного с беззаветной преданностью второго. Много несчастных моряков стало жертвой ненасытной акульей любви. Эта любовь была лишена взаимности долгие годы. Человек не имел возможности выбрать среди огромного количества акул ту, что ему по сердцу. Акула была активной стороной, она хватала полюбившихся ей морских путешественников и утаскивала на дно в акулье гнёздышко. Долгое время среди акул процветала полиандрия. Это значит многомужество. У каждой акулы было одновременно множество избранников, головы которых украшали её стальные пещеры. С изобретением акваланга акуле стало труднее выбирать себе жениха по сердцу. Кислородные маски сделали людей такими уродливыми и отвратили от них сердца акул. Но сами акванавты наконец смогли разглядеть различительные признаки этих великолепных животных, которых моряки называли сиренами. Ещё с первых веков мореплавания, когда акулы приманивали людей, имитируя нежнейшие женские голоса. Хитрые рыбины, превосходные психологи, подражали голосам дочерей, сестёр, племянниц, невест, бабушек и дедушек истосковавшихся скитальцев, предлагая на выбор все оттенки человеческой нежности. Какой-нибудь полундра, обезумев от страсти, рвал на себе тельняшку и брюки, стаскивал тяжёлые деревянные башмаки и нырял, послушно следуя зову своего сердца навстречу обманщице-акуле.

Но внизу его ждало тяжкое разочарование. Ободренный, как липка, об жестковатую шкуру своей коварной подруги, он возвращался несолоно хлебавши на борт родного бригаа. Подлечившись на берегу, он долго врал о прелестях океанских сирен. Но аквалангисты в корне изменили ситуацию. Они выследили самых опасных морских чертовок и намертво приковали их к корабельным пушкам. Команда в часы досуга развлекалась тем, что обстреливала своих прекрасных пленниц бутылочными снарядами. Акулы поднимали бешеный вой, очень похожий на свист паровой сирены. Этот вой улаживал мстительные натуры матросов, сыновей и внуков несчастных инвалидов, помешавшихся на сладкоголосом акульем пении.

Борматрёш Отшиб размягчил угловатый детонатор ближайшего бастиона ударом рычага. Обезвредив опаснейший взры-

ватель с помощью хитроумной смекалки, обрадованный сапёр пролез в колдобину на стене. Стремительный рычаг проложил ему ударной волной скоростной путь к цели. Борматрёш с некоторой бравадой прижёт кровавые пятна на подоле поблекшей от загара рубахи из соображений дезинфекции. Затем, услышав вражеский акцент иностранного языка, Отшиб изловчился, засунул голову в песок и проворно замаскировался спелыми листьями рябины. Брезгливый Борматрёш испугался, что враг заразит его кессонной болезнью. Как опытный лазутчик, он отыскал лазейку в непролазных зарослях огурцов и мастерски использовал эту своеобразную рытвину для дальнейшего бегства.

Борматрёш сконцентрировал внимание концентрическими кругами в воздушной атмосфере, окружавшей слащавые контуры его тела. Блестящий наблюдатель умозрительно заметил подозрительные отклонения в падении камней в каменоломню. Каждый пятый камень метил в него, словно подстёгнутый зловецей инерцией. Туповатый Отшиб постеснялся укрыться от обидных рикошетов на церковной паперти, где пряталась разная шпана. Он безжалостно заглушил все чувства, кроме праведного гнева и трусливого озноба, вызванного синоптически точным понижением температуры на три градуса выше нуля. Борматрёш погладил ребром ладони сушёного пингвина, поставленного в качестве дорожного знака, чья указательная стрелка услужливо огибала автомобильные пробки в направлении некоего идеального царства-государства. Туда доверчивый паломник и двинул свои стопы. Он понёс всякую отсебятину за тридцать земель, в места, снискавшие недобрую славу штрафными санкциями и фальшивыми парковками.

Борматрёш, без вины виноватый в гибели коня, убитого прожорливыми змеями, включил счётчик забывчивому таксисту. Кокетливый пассажир заглянул в боковое зеркальце в поисках параллельных средств передвижения. Впечатлительный клиент протёр амальгаму отражателя грязным носком сапога и узрел погоню. Три четверти дюжины погонщиков мулов, оседлав семерых мустангов, делали не менее двенадцати миль всего за две астрономические единицы времени. Встревоженный Борматрёш стал смотреть под ноги, чтобы избежать предательских ухабов и не проворонить воронки от землетрясений. Щедро потраченный бензин литрами выливался на мостовую для увеличения и без того невозполнимых энергетических потерь рационально набравшего скорость автомобиля. Дорога шла под уклон, и угол падения всё увеличивался. К счастью, экипаж был утыкан запасными колёсами

и при успешном переворачивании мог продолжить быстроходную езду. Автогонщик номер два Безбалон Аук сменил у руля задремавшего водителя. Лихач Борматрёш не спал, а просто клевал носом приبلудившиеся зёрнышки подсолнуха, пробившего ветровое стекло с подветренной стороны. Три весёлых друга надышались веселящего газа, которому в давние времена приписывали мистическое свойство предсказывать ДТП и другие автокатастрофы. Ясноглазый Аук пронизательно усёк посреди проезжей части безупречную во всех отношениях баррикаду из ласточкиных гнёзд. Изумлённые таксомотористы вылезли на свет божий, развернули вспять свою многолитражку, а потом и вовсе пошли пешком.

Аквамарин Ничья с помощью ускоренной съёмки подсчитал, что в минуту он сделал четыре тысячи жевательных движений. Человеческий глаз не в состоянии уследить за ними. А тем более его товарищ, с которым он собирался есть из общего котла. Ничья вставил динамометр между зубными корнями, чтобы ослабить скорость их мышечных сокращений. Улыбка Аквамарина приобрела несколько покорёженное выражение. Но его друг, отпетый лицемер Соль Веник, не сказал ничего из зависти и подозрительности. Зависть и близорукость были его характерными чертами, помогавшей двигать историю вперёд. Близорукость помешала ему увидеть роковую масть в картах гадалки, грозившей гибелью подельникам. Это событие должно было случиться во время увеселительной поездки в автобусе, от которой они не смогли отказаться. Аквамарин Ничья сел за руль, а друга заставил вертеть колёса специально подобранным веретеном. Непоседливый характер Соль Веника не позволил ему воспользоваться вестибулярным аппаратом, чтобы не попасть под роковое колесо. Перед падением под автобус, Веник шепнул последнюю просьбу – помочь ему избавиться от близорукости. Аквамарин Ничья извлёк друга из-под обломков автомобиля, который весь извелся от раскаяния за непредумышленный наезд и с горя вляпался в каботажный солнцепёк. Солнцепёк продолжил путь, потеряв свои габариты, но не скорость. Ничья отнёс изувеченного друга к лучшему врачу. Добрый доктор починил почерневшие от скорби глазищи Соль Веника и предсказал ему удачу во всех картёжно-шахматных делах, где умение отличить свою малиновую фишку от чужой зелёной нередко спасает шулера от кулачной расправы. По случаю выздоровления собрата по ремеслу Аквамарин Ничья устроил кулинарный «сэконд-хэнд», т. е. бросил в общий котёл каждую

вторую лапу подстреленного авиацией динозавра, а остальные три включил в свой личный рацион. Такой гармоничный рационализм оскорбил разум, честь и совесть его кореша.

Рассердившись, он вырвал динамометр изо рта Аквамарина, возвратив его лицу отличное выражение, а настроение покорёженности вложив в огорчённый инструмент. Но это нелёгкое движение стало последней грубой ошибкой в поведении хулигана. Аквамарин напустил на него уссурийского тигра, и нашему герою пришлось действовать на редкость вдумчиво и проникательно, чтобы одолеть хваленую тигриную хватку. Герой плюнул тигру сначала в левый глаз, потом в правый, отчего у бедного животного выпали все его сорок два клыка и треснули вдоль искусного шва когти на обеих четырёх лапах. Добрый молодец напоследок снял с него парикмахерской машинкой шерстяные излишки, и стрижено-прирученный зверь вернулся в родной Уссурийск.

Сновагол Доброк округлил штурвал бронепоезда до катастрофических размеров и пошёл на таран вражеской цистерны с огнеопасным бензином. Самокритичный водитель носил в карманах мощные бинокли, так как по ночам не мог разомкнуть глаз из-за синхронной близорукости левого и правого глазных отверстий. Трусливая команда цистерны покинула ёмкость с горячим боеприпасом, затопив отравленным бензином крутой откос железнодорожного пространства. В отместку безжалостный Доброк врезался в пустую бочку и взял её на буксир. Ангел-хранитель Сновагола вручил ему свои визитные карточки и был таков. Оставшись без загробного прикрытия, слезливый штурман сменил громоздкий атомный вес и многочисленную группу крови своих отпечатков пальцев на более лёгкие дерматологические показатели.

Сновагол обтесал морщинистую эмаль свиного рыла, придав полуфабрикату очарование вкусной и горячей пищи. Сообразительный бакалейщик поднял ужасную шумиху, пробудив кулинарный аппетит посторонних лиц от вечного сна. Мнительный Доброк не любил траурных венков, опасаясь, что те могут принести несчастье. Так и случилось. Он стал чужеземным разведчиком, травмировав таким добровольным поступком душевные раны своих родных и друзей. В конце концов тайный агент напудрил мозги серым веществом, которое на ощупь нисколько не стесняло привольных движений его динамичного ума. И в сопровождении трёхсот своих сторонников вышел на связь с резидентом.

Сновагол проглотил пронумерованный комок в горле. Внутренним, инстинктивным зрением он прочёл номер волнительного комочка. Это был уже пятидесятый сгусток пены, выступившей на губах от многомильного пробега по пустынной местности. Когда его одиночная камера лопнула от избытка страстей неугомонных посетителей, монах-анакхорет бросился бежать врассыпную и наперегонки с полицейскими дозорными, прыгнувшими вслед за ним со сторожевых вышек. Преследуемый по дороге выпустил на волю несколько месторождений угарного газа, чтобы дымовой завесой прикрыть неудачное отступление и привлечь всеобщее внимание к жесточайшему прискорбию своего гонимого положения. Пока что быстроногий узник был крайним справа в шеренге бегунов, потихоньку окруживших его со всех сторон.

Сновагол услышал в зарослях клубники босоногий перестук каблуков усталого отшельника и протянул ему волосатую руку помощи. И горестно заметил, как саблезубый штемпель впился в самый ноготь, занесённый проникающим укусом почтовой гадюки. Он сразу же узнал миниатюрного удава, на счету которого было немало удавленников. Гремучий питон принадлежал всемирно известному шпиону, частенько оказывая ему почтовые и диверсионные услуги. Уязвленный Сновагол стряхнул мерзавца щелчком левой ноги с укушенной по ошибке десницы (дальновидный враг метил ему в спину, но наивно промахнулся). Пошуровав немножко шуицей, Доброк достал из-под земли заказчика преступления. Там, в палаточной землянке, беглец успешно укрывался, уйдя на покой от несправедливых гонений незаслуженной погони.

Червепик Минор с помощью патефона разрушил подозрения своего друга, следователя. На патефоне было записано: все сгоревшие шкафы похожи друг на друга, но каждый несгораемый сейф несгораем по-своему. Следователь Фильтрокок Артикль, получил в наследство от бабушки стадо бизонов. Но свирепые аргонавты состригли с маститых быков всё руно, завернули этот хлам в костляво-мясистые скелеты и дистанцировались катастрофически далеко. В общем, Артиклю на память остались архаичные ножки да пара циничных рогов. Фильтрокок попросил сопровождавших его ответственных лиц преобразовать презренные останки в полнокровное стадо. Червепик, геронтолог-реставратор, взялся исполнить эту дикую задачу. Сквозь хаос фактов он углядел молекулярный винтик, забытый аргонавтами, с шифром их секретного домофона. Минор узнал шифр в давние времена от

патриотически настроенного китобоя, продавшего номер за пару диссертаций о невменяемости. Филтровокок поспешил к владельцу шифровинтика, известному душегубу, жившему в двух аршинах от левого края южного полушария. Этот край расстился от мыса Бурь до острова Мадагаскар. Короче, маньяк не делал тайны из своего местонахождения и не боялся бухгалтерских проверок. Через три демисезона он наконец был разыскан честолобивым Артиклем. Филтровокок пообещал по три волоска с каждой похищенной овцы, если руно всё ещё адресовано в нужном направлении. Он шепнул Минуру, что и с трёх волосков можно реставрировать полноценное стадо всего за несколько миллионов золотых кочерыжек. Червепик отпирался, что не знает шифра, пока не прочёл нотацию, где всё было сказано стройными математическими двучленами. Старый тихоня, божий одуванчик, Филтровокок вдохновлял его воображение амортизирующими воплями и стильными стонами. А потом искатели позвонили по очень дорогостоящему номеру пиратского мобильника на самый край Ойкумены. Но аргонавты, своим спасением из морской пучины обязанные знаменитому зомби из зоохранилища, пообещали придурку не подходить к телефону в течение ближайшего тысячелетия.

Однако предприимчивый Филтровокок всё-таки поплыл с друзьями наносить визиты аргонавтам, осевшим по воле тяжёлого рока в уголках туманностей и вулканических дождливостей. Бизоны были ещё влажные и тёплые после стирки и глажки, и реставратор-геронтолог легко вдохнул жизнь в их животрепещущее сито. Полный провал аргонавтов произошёл по халатности и недосмотру. Видонепроницаемые халаты помешали рассмотреть энергичные баритоны охотников в дверные глазки. От полной безысходности разбойники заключили с Филтровококом ничью и настроили свои осветительные приборы, чтобы они маячили уходящим гостям, подсказывая быстрейший путь к гибели. Лишь малокровная цинга спасла мореплавателей страшной ценой полной потери аппетита. От голода и жажды мигранты впали в анабиоз и в таком аскетическом состоянии прибыли домой.

Подзатыль Скрижаль отсчитал ведро картечи и поставил в башню терема. Сотворить такое мог только профессиональный злоумышленник с исключительными подвижными хрящами в голове. Мыслитель вломился в освободившийся номер терема и сделал передышку на койке в гамаке. Подкрившийся громила нуждался в дополнительном отдыхе, как настоящий сомнамбула. Вообще-то

он с точки зрения физических возможностей был обычным неопрятным хулиганом. И приносил людям сплошные несчастья своей нечистой силой. Неугомонный Скрижаль озадачил отельное начальство анонимными словами. Резонанс его священных высказываний поневоле перенёс всех слабоватых на ухо лакеев в далекую нирвану. В результате таких мошеннических махинаций адреналин в мелких костях кишечника бандита вырос ещё на пару сантиметров.

Скрижаль повернул галерный катамаран вокруг оси домашнего будильника, отстававшего на несколько минут от Северной широты. Запломбированное таможенниками судёнышко дало сногшибательную течь. Заметив утечку ценнейшего груза в образовавшуюся пробоину, жадноватый капитан кинул взгляд на самую периферию волнистого морского горизонта. На покупку нового балласта у него не хватало денежного эквивалента. Тогда изобретательный моряк засорил выходное отверстие пробоины багажными квитанциями уплывших на дно океана чемоданов с рангоутом и такелажем. А сам уселся в новёхонькую спасательную шлюпку, заведя мотор в сторонку, как опытный моторист. Мотор со смещённым центром тяжести непрерывно раскачивал лодку, пока не перевернул её в нужном направлении. Поскольку Скрижаль не умел плавать, но был неплохим ходоком, он добрался пешком до спасительной суши, шагая по тайной подводной тропинке, протоптанной трудолюбивыми крабами. Опытный ныряльщик по ночам выныривал на поверхность, чтоб набрать кислороду и вычислить по звёздам правильный курс. А под водой старался поменьше дышать, чтобы не нахлебаться ядовитой солёной влаги.

Подзатыль обеспечил клаксон ямщика необходимой сиреной. Бубенцы гремели с оглушительным звоном, прокладывая соседним двуколкам свободную колею по заснеженной пороше. Обрусевший Скрижаль носил русые волосы, курносый нос и голубые глаза на своём малоподвижном лице. Потомственный хлебороб получал с дядиною имения бухгалтерские дивиденды в виде семечек и жмыха. Семечки он лузгал сам, а жмых скармливал боевому коню. Подзатыль значил по-настоящему редкие металлы в воротник рукавов правоохранительного плаща. И погнал своего иноходца тренированным галопом через буреломы скалистых горных пород. Наученный горьким опытом извозчик взял в дорогу отсыревший ломоть домашнего печенья. Он рассчитал, что хлебные крошки, оставив неизгладимые следы на снегу, помогут ему на обратном пути попасть точнёхонько в исходный пункт, поскольку

окольный объезд категорически запретили самурайским кодексом чести. Этот кодекс затрагивал также и всех непосвящённых, потому что был прост и удобен в обращении, как инфузория-туфелька.

Подзатыль Скрижаль протёр закатившиеся с перепугу глаза и погасил оплывший огарок карманного фонарика, незаметно вытащив батарейку. В ночной темноте он явственно различил злобное выражение на конской морде скачущего всадника и отскочил за дверцу дота, до того, как лихой наездник произнёс пароль. Молодой человек знал отзыв, но запомнил. Подзатыль одноглазо подмигнул своему сокамернику по долговременной огневой точке, Безбалон Ауку. Но даже такой конспиративный условный знак был подмечен чуткими ушами удалявшегося кавалериста. Всадник взмахнул вожжами, закусил удила и огрел нагайкой шпоры в стременах, чтобы скорее убраться из осинового гнезда, которое своими пчелиными сотами успешно маскировало бойницы прилюдно разоблачённой криминальной явки.

Граблезонт Обоз нашёл в крови здорового, жизнерадостного человека ядовитую бациллу и, положив находку в скобку для ремня, свернул себе самокрутку из самокрутящихся колёс опрокинутого войной «запорожца». Как вдруг внутренняя перегородка, отделявшая грудь курильщика от брюха, ощутила чувствительный удар. Это военно-полевой хирург Одуван Каюк решил попрактиковаться в патологической анатомии. Но динамичный скальпель проскользнул в ременную бляху и отрикошетил в задний карман зловещего практиканта. Разъярённый Обоз выпрямился во весь свой гигантский рост, достигавший семи пядей во лбу. Косая сажень придавала его стройным плечам кокетливый прищур. Тогда нападавший возвёл дату своего рождения в нулевую степень и, недовольный полученным результатом, подумал, что всему виной индуктивные помехи. Хирург повторно полез в конверт смирительной рубашки за гладкоствольным скальпелем. Граблезонт вышел из фотогеничного ступора, лёг в струг, впадавший в дельту реки, и незаметно дезертировал с военно-полевых сражений. А патологически настроенный анатом немного побродил среди недобитков, надеясь встретить кого-нибудь с нормально циркулирующей кровеносной системой. А потом бросился в увлекательную погоню за своей многострадальной жертвой. Пока не нарвался на обозлённых пограничников с охотничьими ружьями. Почуввав недоброе, Одуван изобрёл прибор для снятия пограничников с постов, но не успел им воспользоваться. Вездесущий Гра-

блезонт засорил его недремлющий взор ящиком с песком. Он же вырубил заодно и пограничных служащих с помощью пилы (негодяй вырезал на черепе каждого знак «Зорро»). И надумал возвратиться в мафьёзную семью, в материнском лоне которой был когда-то зачат. Беглец с астматическим размахом подскочил к намеченной цели. Но рядом с дельтой реки, в её лямбде, обнаружил своего противника, дрожащего от передозы табака. Обоз поставил его ребром на ладонь, и дрожь прекратилась. Полевой хирург не знал, чем отблагодарить великодушного врачевателя, и дал ему пинок в залог дружбы. Пинок попал в пенёк, и медицинский работник, подпрыгнув от боли на два километра, обнаружил, что может летать. Небо ему с овчинку показалось, слишком маленьким и страшным. Пожелав вернуться на Большую землю, авиатор спикировал вниз. Падал он из рук вон плохо и сильно ушибся, по мнению пронизательных наблюдателей. Сам пострадавший оценить свой полёт уже не мог, поскольку столкновение с землей было не просто сильным, а смертельно опасным. Бедняга потерял управление над собой и загорелся насекомоядным пламенем. Ему дали жаропонижающее, и пожар, став подконтрольным, откатился к ближайшим кустам, где бесследно исчез. Неблагодарный пациент поднял недовольный гвалт, бормоча назидательные байки из своей интимной жизни. Далеко ушедший в сторону прохожий охотно им внимал из подслушивающего устройства, щедро разбавляя чужой монолог своими чисто символическими репликами.

Черноок Стражблок заменил тлеющую на костре искорку ещё одним языком пламени. На обгорелом костре поджарился клуб дыма, поглотив немало кислорода из дождливой тучи. Беспризорный Стражблок отогнал назойливую струйку дыма подальше от едко обжигающих огней. Он не любил газы, непригодные ни для горения, ни тем более для дыхания. А может, просто боялся отравиться. Согревшийся безработный фантастически быстро встал на ноги и с безрассудной отвагой сожрал чечевичную похлёбку, случайно попавшуюся ему на глаза. Огнеопасный костёр он потушил в пруду, чтобы тот не привлекал внимания зашедших на огонёк опасных лесных зверей. Предусмотрительный горлопан закинул горячие угольки поглубже на дно и вывел из строя механизм искры, так как очень боялся губительных лесных пожаров.

Черноок разбросал ошипанные крылья пернатого змея в разные стороны, чтобы ползучий гад не улетел. Бродяга был не прочь

наесться до отвала питательным мясом ископаемого животного. Но полезное ископаемое окружило себя бесконечной рутинной змеиных колец, прикинувшись водонапорным шлангом. Находчивый змеискатель упитанным жестом развернул свои оглобли на сто соток назад, пометив труднодоступный террариум плотоядными наскальными рисунками. Сложив использованные боеприпасы в охладевшие ножны, боевой охотник ощутил в области сердечной мышцы сильнейшую вражду к своим злейшим врагам. Злопыхатель заживил лейкопластырем душевную рану и надолго вышел из детского возраста. Жуликоватая инфантильность могла помешать ему в победе над противником.

Стражблок наблюдательно заметил прирост населения в соседней деревне. Объекты увеличились на два миллиметра в высоту, достигнув роковой шестифутовой отметки. Самурайский разведчик шпионил и доносил, чтобы найти духовный путь спасения из безвыходного материального положения. Он отправил глинописную записку, зашифрованную азбукой Морзе, привязав к павлиньему хвосту перелётной птицы морским узлом – на западный манер. Расплюснутая от волнения челюсть писца напоминала подставку для игры в волейбол. Таким запомнил его в последний раз в совершенстве овладевший мастерством пилота павлин. Стражблок не умел долго грустить и бросил далёкий от пессимизма взгляд в самую гущу аристократического общества, блиставшего светской чернью на склоне холма. Демократично настроенный душегуб задумал погубить этих невинно веселящихся людей. Заговорщик так размазал кашу по тарелкам, что никто из благородных сэров не смог отдать предпочтения ни одному блюдцу китайского сервиза. Со вкусом сервированный сервиз был в гнев растоптан кирзачами джентльменов, а заплесневелые осколки пополнили коллекцию метеоритов одного забулдыги-археолога, свалившись ему на плечи, как манна небесная. Черноок Стражблок с трудом отыскал на разнесённых в клочья черепках наскальное письмо своего марсианского друга, Безбалон Аука. Разгневанный инопланетянин по таинственному неведению не знал, что бы ему ещё такого написать. И поэтому на словах передал сопливому соплеменнику скорострельный мушкет с ядерным прицелом.

Поэт Тютчев, наполовину немец, превосходно знал немецкий язык и был отправлен на работу в Германию. Как-то он сказал своей милой: «Я писал бы стихи, но знаю, что лучше Гейне не напишешь».

И вот он всю жизнь переводит Гейне. Подпольные списки с его переводов попадают на глаза молодому Ульянову-Ленину. Он тоже, скорее всего, знал немецкий язык. Он сравнивает любовь Гейне в оригинале и как влюблённый Тютчев перелагает её в своём русском варианте. Сравнение, конечно, не в пользу Гейне. Русский поэт раскрывает всё гораздо лиричнее, подробнее и там, где у Гейне расставлены многоточия, он описывает всё до конца, откровенно, чисто, как умел делать только он да ещё один русский поэт — Фет. Избегая анатомических терминов, Тютчев свободно и страстно рисует всевозможные варианты любовного многообразия немецкого поэта. Вычерчивает до самых мелких деталей все его семейные треугольники, многоугольники. Мы никогда даже за полное собрание сочинений немецких классиков не отдадим ни одной страницы Тютчева. Но, к сожалению, издали Тютчева только после смерти — Ульянов-Ленин и его сподвижники. При жизни поэта критик Белинский писал цензору Бенкендорфу: «Мне кажется, что издавать Тютчева можно только в переводе на немецкий язык, ограничив количество экземпляров библиотеками Петербурга, Москвы и Нижнего Тагила. Мы с вами образованные и культурные люди. Начитавшись Тютчева, мы не пойдём по кабакам пить и развратничать. А простой народ наш слишком тёмн, чтобы понимать высокую любовную поэзию. Хотелось бы верить, что когда-нибудь на улицах самого захудалого из наших уездных городков можно будет услышать настоящую немецкую речь, без малейшего акцента».

Мыльпузырь Паршив толкнул два килограмма древесины со скалистых гор. Дубовая колода по неведомым причинам разбилась на мельчайшие доски. Грязнуля Мыльпузырь погубил немало лесных гигантов, охотясь на крылатых соколов. Вспоминая пережитые несчастья, Паршив разгладил морщины на позвоночнике, выскочившие от недостатка цианистого калия в его нетрадиционном организме. Мужчина преклонных лет, Мыльпузырь был шутом гороховым, нулём без палочки, как совсем никчёмный человек. Нескромный детина воспользовался дырявым котелком, чтобы извлечь из тряпичной лазейки несколько чернильных пятен. Начистив до блеска свою туалетную одежду, он вырубил в непроходимой стене дверной проём. Плюнув на образовавшееся крыльцо, беглец решил покинуть дом через окно из соображений государственной безопасности. Как всякий чистошлой, он боялся наследить у парадного подъезда и привлечь за собой хвост.

Мыльпузырь учуял на зубах привкус инфекционных инфузорий, возбудителей умственной бессонницы. Мгновенно проснувшись, он высунул из прохудившейся каморки любопытную шею. Вокруг расстилалась столица демократической республики. По своей отвратительной привычке Паршив потерял всякое человеческое терпение и выбежал на улицу с пожарным насосом в руках. Вдоль широченных тротуаров теснились мирные демонстрации студентов дошкольных учреждений, требующих, чтобы им скостили ясельный срок от двухсот до пятидесяти месяцев. Небрежным взглядом интурист измерил калибр огнестрельного нагана, которым щеголяли мирные демонстранты. Баллистический эксперт сразу же заметил, что калибр упирается ему в живот на уровне поясницы. Паршив на любой вопрос всегда реагировал ответом, пресекая многословными абзацами лингвистические козни болтливых собеседников. И сейчас он лихо полез в карман за нужным словом, наощупь считывая буквы с разговорника для глухонемых. Владелец револьвера Безбалон Аук, чертыхаясь, как киношный мойдодыр, залил в барабан ещё двадцать литров бензина. Чтобы пули, набрав сверхзвуковую космическую скорость, вырвали за пределы земного тяготения душу его неразумного оппонента. Но Мыльпузырь носил с собой ключи ко всем вратам, кроме небесных. У него были золотые руки, а в кулаках зажаты самородки из чистейшего железа. По-простецки хлопнув по башке нахального смутьяна, Паршив попятился. Он боялся наступить на огнедышащие тело оглушённого приятеля, чей пистолет палил изо всех стволов сразу. Стреляные гильзы, умело трассируя, наглухо забаррикадировали движение по трассе суетливым демонстрантам. Пострадавший в заварушке рядовой жандарм, начав с капитана второго ранга, быстро дослужился до майора пронизательной охранки. Шеф полиции вычислил интуриста по инородной манере носить галстук в стакане из-под горячей воды. Но лицемерный гость самовольно покинул негостеприимную страну. Бедняга потерял голову от единогласных душевных терзаний закалённой грудной клетки.

В общественном транспорте есть лежачие места для самых усталых. Ты лежишь, а вокруг стоят люди, они рады бы тоже прилечь, но им некуда. Чаще всего бывает только одно такое лежачее место, рядом с водителем, по ту сторону от водителя, прямо за лобовым стеклом. Он едет и смотрит на тебя, не мигая, как большая чёрная кошка. А мне всё это надоело — спальные места в трамваях.

Но самое удобное — спальные места для пешеходов. Вдоль тротуаров установлены упругие рессоры, с которых гроздьями свисают странники. Они считают, что передвигаться пешком, используя спальные места, более экономично, что ли.

Но лучший вид общественного транспорта — асфальтовые катки. Спальные места расположены на них параллельно осям. Будущие пассажиры просто укладываются на предполагаемом пути его следования. Передвигаясь, он вбирает, вмывает в себя бесконечное число пассажиров. Это самый эффективный и дешёвый транспорт. Я не понимаю тех, кто предпочитает метро и, наоборот, воздушные лайнеры. Достаточно одной поездки, чтобы решить все личные, общественные и планетарные проблемы политического и экологического характера. Когда-нибудь, в более светлые и сознательные времена, каждый найдёт в себе силы наскрести необходимое количество монеты на эту важнейшую в его жизни поездку. Вы скажете, а что же дальше? Как организовать высадку пассажиров по прибытии в пункт назначения? Русский учёный Фёдоров уже ответил на ваш вопрос в своей талантливой книге, посвящённой благороднейшей теме возвращения на Землю всех когда-либо живших её обитателей. Великий патриот Земли писал, что вернуть планете исчезнувшие поколения людей задача, которая вполне по силам современной науке. Тогда, по достижении этой великой цели, можно будет отделить каждого отдельно взятого пассажира от поверхности асфальтового катка в той, с точностью до миллиметра, точке земного шара, которую он собирался посетить. Но хорошие дороги в настоящее время большая редкость. Надо долго плыть на пароходе, потом ехать на подводе, потом верхом, потом пешком, чтобы получить возможность вернуться и жить в своём народе. Мужчины и женщины моего народа бреют головы, брови и даже ресницы, и глаза их горят ярче самых ярких костров, которые они гостеприимно разводят на крышах своих домов в сказочном декабре.

Безбалон Аук привязал три процента тротила к оставшимся девяносто семи, чтобы взрывчатка восстановила критическую массу. Хорошенько сплющив полученную смесь, он набил её черепками свою толстую мошну. Аук флегматично уселся в стариковскую шаланду и погнал её на всех парах, несмотря на тяжёлые габариты утлого судёнышка. Безбалон предназначил свою довольную харю для мокрых дел. И палец о палец не ударил для спасения подмоченной репутации, когда быстроходный танкер пошёл

ко дну. Опытный мемуарист завещал потомкам вытащить своё тело из сомнительной ситуации. Он догадывался, что детишки, мелкое хулиганье, забросают камнями место его захоронения. И по крутому спуску образовавшейся насыпи он взойдёт на берег, цепляясь за барашки морской волны, как за соломинки из прочнейшего бамбука.

Подавленный житейскими проблемами, Безбалон достал накрахмаленную бандерольку из почтового отделения своего плаща. Всеобщий собутыльник, он придумал более пышную форму махровым кулакам, поскольку для него не было ничего святого в том, чтобы сохранять нейтралитет. Болезненный Аук лихорадочно начинил резиновую дубинку мелкими кровососами и выпил пару микстур анестезирующего смога. Затем, неряшливо божась и спотыкаясь, он высунул заgrimированную голову на лоно природы, уповая, что вражеские снайперы не признают его по дружелюбным, цвета хаки, глазам. Такая почтенная внешность внушала массу незаслуженного доверия, и никто из стрелявших не попал, сбитый с толку благодушной харизмой ветерана. Решив, что утро вечера мудренее, бродяга позавтракал и отправился в путь.

Безбалон Аук заметил в африканском небе несколько радиоактивных изотопов. Осторожный астролог на всякий случай пересчитал знаки Зодиака и, убедившись, что Близнецы утратили немалую долю сходства друг с другом, в панике перебрался на соседний континент. Брезгливому чернокнижнику всюду мерещились замаскированные следы членистоногих. Однажды он увидел неопознанные отпечатки пальцев здоровенной гориллы у себя на шнурках. Безбалон сложил десять бутербродов в один приквост и проглотил эту головоломку как самую настоящую обедню. Повысив таким нетипичным образом свою самооценку, скромняга поправил ковыряльной зубочисткой бельмо на глазу. Теперь он натуральнее смотрелся в роли нищего, когда небрежным автоостопом инспектировал очередную автоколонну. На переднем сиденье одноместного велосипеда разговорчивый гаишник заметил прохожего, который не слишком лестно отзывался о клейкой мостовой. А ведь органы правопорядка собственноручно её заасфальтировали, ещё когда служили дворниками в особняке префекта. Темпераментный страж закона долетел на полицейском вертолёте до середины узкоколейки и завис в ожидании строптивного нарушителя. Хамоватый водила неуклонно приближался, с черепашьей легкостью вращая рукоятку колеса. Велосипедная цепь угрожающе накренилась в сторону беззащитного геликоптера. Гаишник вздрогнул, захрапел, как чистопородная свинья,

и полез назад в дирижабль, потому что попутный ветер уже унёс летчиков-испытателей подальше от смертоносных булыжников автострады.

Когда я родился, передо мною встал нравственный выбор: кем быть, покойником, как лучшие люди страны, или же ангелом. Покойником я мог стать в любую минуту, стоило только захотеть. Чтобы сделаться ангелом, надо было долго учиться и не курить. Ангелом я мог стать в любую минуту, стоило только выкурить сигарету, от которой вырастают крылья. Крылья пружинили и позволяли передвигаться огромными прыжками, как шагающий экскаватор. Сейчас половина моих ровесников — ангелы, остальные покойники.

Быть ангелом считалось как-то неприлично, немного неестественно, ненормально что ли. Покойников, наоборот, все уважали. Например, великий писатель Лев Толстой с гордостью говорил: «Я — живой труп». Шокированные дамы не соглашались и вежливо утешали его: «Что вы, дорогой граф, вы для нас живее всех живых». А он плевался в них и называл старыми вешалками. Для него слова «живой» и «животное» были синонимами. И сама мысль о том, что он вызывает у кого-то слишком живые чувства, казалась ему невыносимой. Он начинал ругаться, спорить, сквернословить и богохульничать. Церковники запретили отпевать его. Всё население нашей страны разделилось на две партии: одна считала его ангелом, а вторая обычным покойником, зеркалом русской революции. Стронники первой издали трёхмиллионным тиражом его письма, написанные ангельским почерком. Вторые на всемирной выставке 1917 года в Петрограде бросили на стол его кости и череп и победили. Но почерк был подделан, череп оказался фальшивым, а сумма очков на костях равнялась минус двумстам семидесяти трём — абсолютному нулю.

Ватикант Раздолб спрятал любимую иголку в стоге сена, когда во время обыска из его гардероба вытряхивали притаившуюся моль. Совершив несколько смертных грехов для очистки совести, он выпил пилюлю василькового настоя без цикория, конфискованного неграмотной солдатнёй. Для успокоения забывчивой памяти Раздолб поклялся на своём фамильном портрете найти утраченный сувенир до наступления весенних холодов. Скучающий домосед уменьшил наклон печной трубы до девя-

носта градусов, чтобы молния прямым попаданием в угасающий камин выбила из него искру дыма, достаточную для самовозгорания скопившейся копоти. Поковыряв в стогу резиновой дубинкой, Раздолб заметил, что резина лопнула и съжилась, словно проколота невидимой иглой. Сделав неопровержимый вывод о наглядном присутствии колючего предмета, Ватикант набил перину раскладушки охапкой сена и лёг спать. Солома импровизированного сеновала отчаянно кололась, пока не убедила, что иголка где-то рядом. Лежебока напустил на себя неодолимый сон, но недремлющая совесть беспокоила его по спорным вопросам.

Ватикант подышал на ладан автомобильной свечи под влиянием старого шофёрского предрассудка. Поставив машину на верстак перестроенного по диагонали шарообразного здания, легковооружённый механик-водитель нарушил закон природы. Он нахлебался из водопроводной лужи солёной воды вместо пресной, причитавшейся ему для утоления жажды. Страдалец мужественно сопротивлялся ядовитой начинке, заполнявшей его от края до края. Внезапно адаптировавшись к изменениям среды общего пользования, ехидный Раздолб нашёл в городском рельефе закоулочек, ведущий в недра преисподней, идиллический район сельскохозяйственных трущоб. Пятна на солнце помешали ему хорошенько разглядеть порывы ветра. И, когда атмосферный вихрь закрутил его вокруг своей оси, братишка в сердцах бросил шапку, натёртую об лысый череп.

Ватикант Раздолб получил анонимную весточку от своего приятеля с просьбой о присылке скорой помощи в картёжный квадрат, где потерпел космическое по своим масштабам кораблекрушение воздушный самолёт. Подпись отправителя была старательно замазана чернилом и вырезана из телеграммы ударом ножа. Но адресат, изящный стилист и потомственный графолог, мгновенно отгадал место пребывания писателя по генуэзскому наклону иероглифов, которыми щедро разбавлял свою латынь ангелоподобный отправитель. Ватикант достал из архива карту древней Индии, где, по его расчётам, гнездилась шайка пострадавших экскурсантов. Ошибиться он не мог. Когда бедолаги шли по улице, все показывали на них пальцем. А подрастающее поколение швырялось элементарными частицами каменистого происхождения со своих хлебных деревьев. Потерпевшие крушение были связаны по рукам и ногам договором о братской взаимопомощи. И не могли бросить друг друга в беде, разбежавшись в разные стороны. Неразлучные, как осколки стекла, они старались не дышать влажным воздухом, чтобы не повредить ненароком внутренние

органы. Событьельники хранили в память о родной отчизне обручальное кольцо с брильянтом, которое снимали только во сне, то есть в состоянии невменяемости. Неведомый благотворитель прислал им захламлённое визами ярмо, чтобы захомутать местную конницу и лихим кавалерийским наскоком выбраться из гиблого места.

Когда композитор Игорь Стравинский приходил на свиданье к девушке, она спускала на него свою собаку, а он – свою. Потом влюблённые долго сидели и наблюдали, слегка шелестя вязальными спицами, как их собаки перегрызают друг другу глотки. Игорь с невестой никогда не ссорились, потому что, благодаря психологическому явлению переноса, всю опасную и приятную работу по выяснению отношений осуществляли их верные псы, пока хозяева обменивались отвлечёнными идеями.

Собака Стравинского вообще была очень талантливой. Она не могла жить без музыки, то есть без того, чтобы не просто слушать, а сочинять её. По ночам она впадала в меланхолию и начинала мелодично выводить какое-нибудь сочетание нотных знаков, вычерчивая их лапой на земляном полу прихожей. Сидя на корточках, при свечах, Игорь аккуратно переносил всё это на бумагу. Весной пришла пора любви, и верный пёс сбежал из дома, чтобы выполнить свой супружеский долг. Но Игорь уже мог сочинять музыку сам. У каждого человека есть свой хозяин, на которого он старается походить. И у Стравинского тоже был свой хозяин. Игорь любил и уважал своего господина и мечтал когда-нибудь стать таким, как он. Но ещё больше он стремился походить на свою собаку, без всякого труда, инстинктивно, сочинявшую гениальную музыку. Обычно приходит Игорь к своему работодателю и сидит, скалится. Тому это, естественно, неприятно. Но он терпит Игорево кривляние, потому что сам всё время невольно подражает своему домашнему животному, коту, и лежит, свернувшись клубочком, под столом в кабинете. Стравинский после такой деловой встречи возвращается домой в полном недоумении, так ни о чём и не договорившись. Наконец, композитор догадался завести себе кота взамен сбежавшей собаки. Присмотревшись внимательно к кошачьим повадкам, он нашел общий язык со своим нанимателем. Они теперь даже подружились и частенько лежат, свернувшись клубочком напротив друг друга. А мне стоит только выйти из дома, как целая стая бродячих собак окружает меня. Но они просят невозможного, и я удаляюсь со слезами бессильной нежности.

Кровожад Полкан разгрыз ягоду колючего шиповника и пересчитал подвиги Геркулеса. Одного не хватало. Мизантропически осмотрев загаженную конюшню, он нашёл в расфуфыренных сенях недостающий подвиг. Полкан романтически оскалил пасть и запахнул калитку слева направо. А потом перекрасил белые клавиши рояля в чёрный цвет, а чёрные – в белый, чтобы расстроенный снежной лавиной инструмент поменьше фальшивил. И сбитые с толку домушники не сумели приспособить камерный деревенский клавесин к флегматичной жизни городских подворотен. Полкан взял щепотку сажи мокрой губкой и посыпал её пеплом. Загустевшей краской он накрепко замазал стёкла очков, надеясь, что герметическая люстра не засветит его кратковременный уход из дома.

Во время религиозной церемонии он подвергся окуриванию бальзамирующим нектаром. Одурманенный философ завибрировал всеми фибрами разгневанной души и вышел из молельной башни в потайную нишу, где ютился свежий воздух. Заметив полуразрушенное коромысло в тени накренившегося здания, он протиснулся в образовавшуюся выемку. Во время изнурительной носки его роскошная сутана превратилась в скромное рваньё, а осень сменила лето точно по расписанию. Любезный Кровожад плевался и сморкался во все стороны, как собака Павлова, поскольку его иммунитет подходил к концу. Самокритично разбив зеркало, пронизательный лихач распылил его дорогую обивку из престижного стекляруса ровно на четыре части. В одну он смотрел сам, когда вставлял зубы в механическую чистку, а в другие любовались остальные доноры, сдавая надоевшие им челюсти в металлом.

Кровожад предпочёл уйти в свой первый и последний рейс на паровозе простым плотником. Срезая с вагонных перил запатентованные пассажирами сучки, он, наперекор стихиям, слышал важные подробности чужих секретов, когда товарный поезд преодолевал целенаправленный отрезок пути. Полкан постригся в простые рабочие, потому что разочаровался в нехорошей жизни. За короткое время он развёл на камбузе кочегарки затхлую атмосферу азота с кислородом, просто незаменимую при сгорании дорогостоящего шахтёрского угля. Посещаемость поездов катастрофически увеличилась. Слишком многим захотелось пересечь границу Африки и посетить соседний континент, чтобы доказать геоцентрическим монахам вращение земли по солнечной орбите.

Кровожад выдерживал качку вагонного драндулета в совсем непригодной для этого одежде. На нём был фрак для верховой езды, нарядные узлы которого разрывались пополам при каждом повороте колеса. Элегантный пассажир добавил стопроцентной смазки в тормозную жидкость и назойливый перестук исчез, а поезд покатился под откос. Рельсы откоса гремели мягко и бесшумно, позволяя путешественникам изредка сомкнуть левый глаз. Правый оставался в бдительной настороженности, чтобы не спугнуть виртуозную езду престижных машинистов. Меланхоличный Полкан не верил в счастливый исход крушений поездов. Надев спасательный жилет и разобрав по кирпичику купейную утварь, он потихоньку выпрыгнул в окно.

Сергей Викторович ГРОЗОВСКИЙ
НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА В СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Повесть

Ответственный за выпуск А.В. Бандорин
Литературный редактор Л.Ф. Салтыкова
Компьютерная вёрстка: Н.В. Алёшина
Технический редактор Н.В. Алёшина
Корректор Л.Ф. Салтыкова
Оформление обложки: Н.В. Алёшина

Подписано в печать 14. 01. 2013
Формат 90x60/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman
4,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Издательство «Старт»,
лауреат Всероссийской литературной премии
имени генералиссимуса А.В.Суворова
г. Рязань, ул. проф. Никулина, д. 6
Отпечатано в типографии издательства

9 785902 405856